

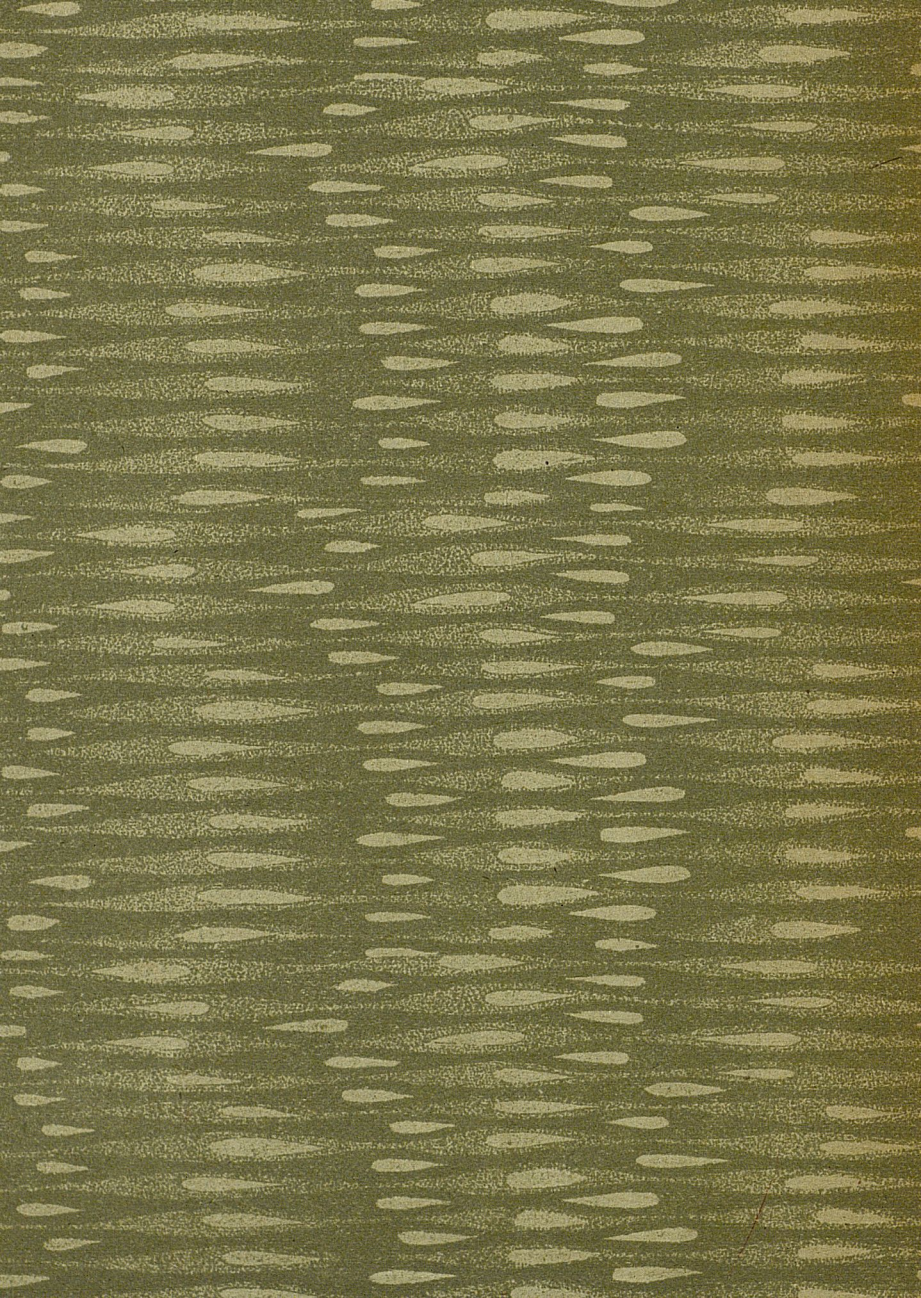
Нянины Сказки.

Н. Словьевъ-Несмѣловъ.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

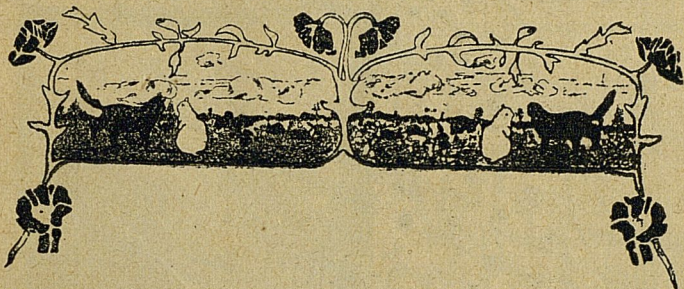

V 319
334

Ж. А. Соловьевъ-Жесѣловъ.

Няжины сказки.

Съ рисунками въ текстѣ

Издание 3-е Т-ва И. Д. Сытина.

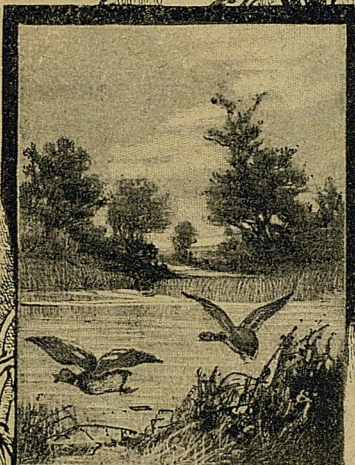
2007465964

Типография Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1917.

Козочка-бѣляночка.

Идетъ коза лѣсами, —
рогами - то брыкъ-
брыкъ! Идетъ коза
полями, — ногами-то
топъ-топъ! Я, коза-
дереза, никого не бо-
юсь, — брыкъ-брыкъ
топъ-топъ!

Она родилась ран-
ней весной въ старой
и збушкѣ бабушки
Петровны.

Бѣлое утро чуть-
чуть заглянуло въ из-
бушку бабушки Пе-
тровны, какъ подь

рукомойникомъ явилась бѣлая
козочка.

Бабушка Петровна крѣпко
спала. Она не слышала, какъ
радно проблеяла коза Ма-
трена, какъ тихо отвѣтила козѣ Матренѣ бѣлая
козочка, лежа на земляномъ полу:

— Гдѣ я?

— У бабушки Петровны съ матерью!—коротко сказала коза Матрена и ласково стала облизывать ей глаза,—яснѣе стало въ глазахъ; заботливо начала облизывать голову,—свѣтлѣе стало въ головѣ; нѣжно припала къ бѣлой груди,—сильнѣе забилося сердце у бѣлой козочки—тукъ-тукъ-тукъ!—и встала козочка на рѣзвые ножки; сунула коза Матрена бѣлую козочку веселой мордочкой къ своимъ теплымъ соскамъ и стала кормить милую дочь сладкимъ молокомъ.

И бѣлая козочка поняла (она была умная,—это сразу рѣшила мать ея, коза Матрена), бѣляночка поняла: что можетъ быть слаще молока?—Ничто! Кто можетъ быть милѣе матери?—Никто!

Козочка-бѣляночка не одну, не двѣ минуты сосала сладкое материнское молоко и черезъ часъ, а можетъ-быть и черезъ два, послѣ своего рожденія запрыгала весело по избѣ бабушки Петровны. Хорошо и не ободняло еще, а бѣлая козочка уже десятки разъ проскакала отъ рукомойника въ передній уголь, изъ передняго угла—къ выходной двери, къ низкому коннику, гдѣ спала бабушка Петровна; у конника налетѣла она на рыжаго кота Василья Васильича, лизнула его въ сытую мордочку. Коть обидѣлся, далъ козочкѣ сильную пощечину. Козочка любила всѣхъ и хотѣла приласкать каждаго; вотъ и поди, приласкайся къ иному забіякѣ,—онъ ни за что тебя обидить.

Горько стало на сердцѣ у козочки-бѣляночки, молча отпрыгнула она назадъ, посмотрѣла долго на кота и издали проблеяла:

— Ахъ, зачѣмъ ты дѣлаешь больно? Не умѣешь играть!..

И снова стало радостно на сердцѣ у козочки-бѣляночки, и подумала она: «А можетъ-быть, я его обидѣла,—вотъ онъ какой важный, серьезный, а я подбѣжала къ нему запросто». И козочка снова подпрыгнула къ коту, чтобы извиниться.

— Я, я... не хотѣла васъ огорчить... Я...

Коть Василій Васильевичъ поднялся на лапы и рѣшилъ поучить надоѣдницу. Онъ взвился въ воздухъ клубомъ, козочка прилегла къ полу, повторяя:

— Простите, я не хотѣла васъ обидѣть!

Коть перелетѣлъ черезъ козочку, шлепнулся на полъ и громко и отчаянно замыкалъ.

Бабушка Петровна проснулась, поднялась на конникѣ и прошептала:

— Господи, кто это развозился въ избушкѣ?

Козочка-бѣляночка подбѣжала къ бабушкѣ, про-
блеяла:

— Здравствуй! Вотъ и я!

— А-а, у насъ новая козочка, молодая бѣляночка!
Слава Богу, бабушкѣ прибыль

Съ этого яснаго утра козочка-бѣляночка стала
жить-поживать у бабушки Петровны.

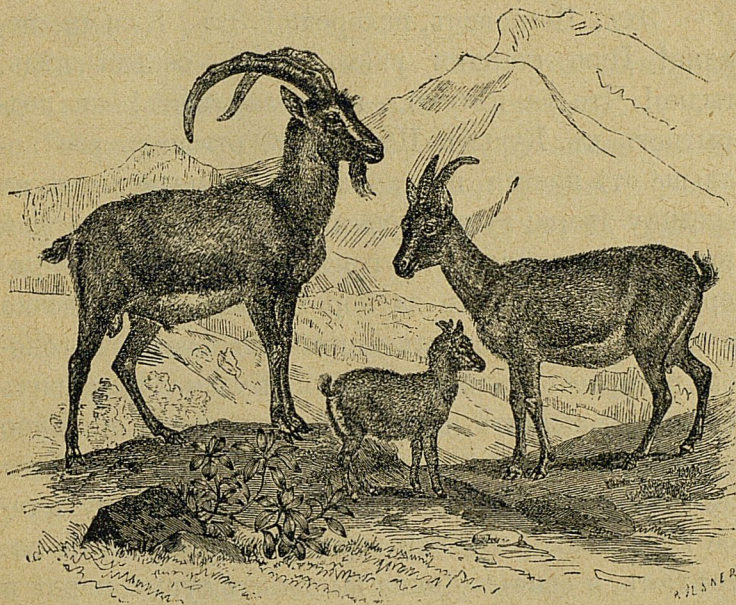
Бабушка любила козочку-бѣляночку. Козочка
росла на волѣ, бабушка не привязывала ее на
веревку.

Козочка-бѣляночка была большая шалунья.
Она всюду совала свою мордочку: и въ горшокъ съ
горячими щами, и въ кринку съ молокомъ, и въ чу-
гунокъ съ варенымъ картофелемъ.

До всего было дѣло козочкѣ-бѣляночкѣ; то она
связжета съ серьезнымъ котомъ Васильемъ Васильи-
чемъ, налетитъ на кота, задеретъ короткій хвостъ,
припадетъ головой къ землѣ, — прыжокъ-два и собьетъ
кота съ ногъ, отброситъ далеко въ сторону. Пройдетъ
минута-двѣ, — козочка-бѣляночка набросится на пѣ-
туха Кузьму Петровича, горлана-полуночника, боль-
шого хвастуна въ птичьей семьѣ. Кузьма Петро-
вичъ то и знай приговариваетъ:

— Кло! кло! кло! ку-ку-ре-ку! Было это въ по-
жарный годъ: сгорѣла бы вся деревня наша, если бы

я не увидалъ да не заораль во все горло; а такого горла ни у одного пѣтуха нѣтъ, хоть весь свѣтъ пройди... Ужь и заораль я! «По-жа-арь, братцы-сударики!» кричу и все расту, расту,—со свинью выросъ, вотъ

на этомъ мѣстѣ мнѣ провалиться,—вѣдь если бы на родъ не сбѣжался, отъ крику до теленка ростомъ дошелъ бы я!..

— Ужь и пустомеля ты, пустомеля!—кричить ему на это съ плетня сосѣдній пѣтухъ Гараська-безхвостый.

— А-а, лиходѣй!—отвѣчаетъ ему Кузьма Петровичъ. — Чего ты на чужой дворъ носъ показаль? Выщипаль я у тебя хвостъ, — выщиплю и зобъ.

А козочка-бѣляночка — тутъ какъ тутъ, — не любить она ссоръ.

— Эхъ, Петровичъ, нехорошо! Эхъ, Кузьма, неладно! Ишь старики расходились, — сосѣди вѣдь, стыдно! Что за пѣтухи, — куры засмѣютъ! — и подпрыгнуть къ Кузьмѣ Петровичу, отгонить его подалеже отъ плетня, проскользнетъ въ подворотню на середину двора; въ это время песь залетъ - пустилай прыгаетъ и скачетъ кругомъ козочки-бѣляночки, норовитъ ее схватить за короткій хвостъ. Козочка мечется, — рада поиграть, — прыгаетъ, мотаетъ головой, натираетъ молочные рожки. Кузьма Петровичъ неистово горланить, песь залетъ - пустилай отчаянно лаеетъ, котъ Василій Васильичъ мяучить; соберутся изъ хлѣвущковъ на этотъ шумъ куры и поднимутъ такое кудаханье, что всѣ воробьи попрячутся по застрѣхамъ, и свинья Домна выставитъ тупую морду и стонетъ: «Охъ, свѣты, уморили! Охъ, проказники, всѣ бока подвело отъ смѣха».

Бабушка Петровна сидитъ на крылечкѣ, довольная, веселая, смѣется, да и говоритъ сама себѣ:

— Хорошо у меня всѣмъ житье: хоть не больно сытно, да больно весело. А и забавнѣе всѣхъ, козочка-бѣляночка, — кого хочешь насмѣшить, не тужить, не

плачетъ, всегда радостна. Ей и хлѣба не надо, —играй лишь съ утра до утра.

Такъ весело жила козочка - бѣляночка у бабушки Петровны, пока не привязали милую на короткую веревку къ столбику подъ навѣсами, по сосѣдству со свиньей. Прыгай тутъ, не дѣлай убытковъ бабушкѣ.

Козочка-бѣляночка, какъ стала подрастать да начесывать себѣ рожки, вездѣ бѣдокурила.

Заберется въ избу къ бабушкѣ, рожками щелкь-щелкь-щелкь—отъ горшка съ картофелемъ черепки одни валяются, отъ кринки съ молокомъ только мокренько.

— Кто набѣдилъ?

Все она, козочка - бѣляночка.

Заберется козочка - бѣляночка къ бабушкѣ Петровнѣ въ огородъ, и прости-прощай разная огородная зелень, —молодая рассада, только что высаженная на гряды, морковь, огуречная зелень: то потопчетъ, то помнетъ, то пожуетъ козочка - бѣляночка.

Бабушка сердится, то и знай, ворчитъ:

— Волкъ тебя ѣшь!

А козочка - бѣляночка думаетъ: «Какой такой волкъ? Хоть бы разъ повидать его!»

Вотъ и посадила бабушка Петровна козочку-бѣляночку на веревку и сказала:

— Одумайся, мой свѣтъ, въ разумъ войди, потерпи ума наберись! Свинья Домна побережетъ тебя, приглядитъ за тобой.

Тяжело, тошно было сидѣть на веревочкѣ козочкѣ-бѣляночкѣ. Рвалась она направо, налево, впередъ, назадъ, задыхалась отъ веревочки, а все рвалась.

Свинья Домна стонала:

— Охъ, одумайся, козочка-бѣляночка, такъ-то задохнешься, ноги вытянешь.

Да, тяжело задохнуться, тяжело ноги вытянуть, не жить, не видать свѣта Божьяго, не слышать задорнаго крика пѣтуха Кузьмы Петровича, веселаго лая залета - путолая, докучнаго стона свиньи Домны.

«Лучше потерпѣть, вотъ волкъ придетъ!» думаетъ козочка-бѣляночка — и терпитъ.

Мало ли, много ли, долго ли, коротко ли прошло времени, — солнце, какъ и всегда, свѣтило ясно, зеленѣли поля, зеленѣлъ лѣсокъ, куда когда-то рвалась козочка-бѣляночка; какъ это случилось, — только случилось очень просто: перетерлась ли отъ времени веревка, или размякъ узелъ отъ дождей, перегнилъ и лопнулъ, только козочка-бѣляночка сорвалась съ веревки, бросилась дальше подъ повѣти. Хрюкнула было ей свинья:

— Погоди, постой, бѣляночка, куда ты?

Куда глаза глядятъ, поищу волка, — отвѣтила ей козочка-бѣляночка.

— Пропадешь, волкъ тебя съѣтъ!

— Пускай ѣстъ, но не посадить на веревочку, — тошнѣй всего на свѣтѣ.

И вотъ бѣжить - бѣжить козочка - бѣляночка полемъ. Весело ей, радостно... Гдѣ волкъ?—Нѣтъ въ полѣ волка!

И вотъ бѣжить козочка - бѣляночка лѣсомъ, — птицы поютъ, звѣри ревуть... Всѣмъ радостно, всѣмъ счастливо, всѣмъ вольно... Гдѣ волкъ?— Нѣтъ волка!

И бѣжить козочка, бѣжить, рожками брыкъ-брыкъ-брыкъ! Ножками топъ-топъ-топъ!

Никого не боюсь! Гдѣ волкъ!— Нѣтъ волка! Добрая бабушка Петровна, видно, пугала только глупенькую козочку, чтобы держать ее на веревочкѣ, анъ вотъ козочка не побоялась волка, будетъ цѣла и безъ веревочки! Гдѣ волкъ?—Нѣтъ волка!

— Каръ! Карръ! Каррръ!— каркаль со стараго дуба старый воронъ.—Есть волкъ, есть!

Оглянулася козочка-бѣляночка кругомъ и громко проблеяла:

— Гдѣ онъ? Гдѣ?

— Каръ! Карръ!.. Впереди онъ, впереди!

— Не боюсь его, не боюсь!

— Каръ! Карръ!.. Не бойся, а знай,—онъ есть, онъ рыщетъ вездѣ, можетъ-быть, и не встрѣтишь его, а можетъ, набѣжишь на него и сейчасъ....

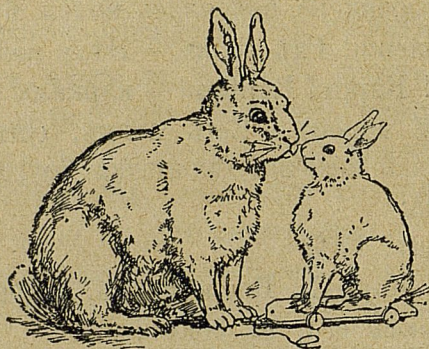
— Ну, молчи, старый воронъ, бабушки Петровны старый кумъ! Лети къ ней да посиди-ка у ней на веревочкѣ! А волка-то нѣтъ!

Гдѣ-то далеко-далеко въ лѣсу протяжно завывлю: «Ообоо»!—И засмѣялся старый воронъ:

— Слышишь, безстрашная козочка-бѣляночка? Вонъ онъ воетъ впереди, — это волкъ воетъ!... Прячься скорѣй, вонъ зайцы прячутся....

— Не боюсь я никого! Брыкъ- брыкъ! Топь-топъ!

И скрылась козочка-бѣляночка въ зеленомъ лѣсу, бѣжить все впередъ да впередъ!

Сестрица-цапля да братецъ- куликъ.

(Сказочка).

Куликъ да цапля родились при болотѣ и жили на болотѣ, и всѣ тамъ про нихъ говорили: «цапля—красавица, куликъ — умница!»

Вскружились головы у кулика да цапли, — только и слышно отъ нихъ: «Мы да мы!»

Взмахнули крыльями, поднялись, полетѣли, сѣли въ полѣ. Въ полѣ только и слышатъ: «Пить-полать! Пить-полать! Я перепелка — всѣмъ голова». На цаплю и на кулика никто и не смотритъ: повѣ-

силы носы куликъ да цапля — посидѣли - посидѣли....

— Скучно, цапля- сестрица!

— Скучно братецъ-куликъ!

Взмахнули крыльями, поднялись, полетѣли, сѣли въ лѣсу на сухую березу. «Тью-тью трр.. дью-дью-тью-ю». Не видать, а слышно, — заливаётся птица въ кустахъ... Всѣ притихли, слушаютъ.

— Кто это? — спросила цапля сороку.

— Т-шш! Неужели соловья ты не знаешь?

— Длинный у него носъ?

— Нѣтъ.

— Тонкія у него ноги?

— Нѣтъ.

— Что же это тогда за птица?

— Ты слушай голосъ, какой голосъ!

— Голосъ! Вотъ невидаль! Не была ты у насъ на болотѣ... не слышала, какъ поетъ лягушка... Вотъ это голосъ! И послушаешь ее [и проглотишь, — ничего другого не захочешь, лучшаго блюда и не надо!

— Молчи, если глупа! — и сорока досадливо взмахнула крыльями и улетѣла.

Сидятъ на сухой березѣ куликъ да цапля, глядятъ другъ на друга да тоскливо вздыхаютъ.

— Скучно, братецъ-куликъ!

— Скучно, сестрица-цапля! Лучше нашего болота нѣтъ ничего на свѣтѣ!

— Нѣтъ ничего, братецъ-куликъ!

Взвились, полетѣли куликъ да цапля, прилетѣли, на болотѣ сѣли и теперь сидятъ тамъ; ходятъ да бродятъ.... слушаютъ пѣніе лягушекъ; захочетъ цапля пообѣдать, — сунетъ носъ въ болото, — цапъ лягушку и проглотила... Это ли не житье, — и наслушалась и накушалась!

— Вкусно, сестрица-цапля?

— Вкусно, братецъ - куликъ, лучше не надо!

Отчего на болотѣ только и хорошо жить цаплѣ да кулику?

Да такъ ужъ издавна ведется, что всякій куликъ на своемъ болотѣ великъ, а гдѣ кто великъ, тамъ тому и мѣсто.....

ВЪ ЦВѢТНИКѢ.

Басенка-разсказъ

Была весна. Цвѣли сирень и липа. На старую липу и утро и вечеръ прилеталъ соловей изъ ближняго сада. Вблизи липы и сѣраго дома съ колоннами алѣлъ цвѣтникъ — широкая клумба. На клумбѣ дружной семьей росли георгины, камеліи, мевкой, маргаритки, анютины глазки, иммортельки, резеда — не перечеть — и розовый кустъ. Вечерѣло; на балконѣ пили чай, громко разговаривали; у балкона на пескѣ играли дѣти, голоса ихъ весело звенѣли. На клумбѣ было тихо; цвѣты, обрызганные вечерней росой, дремали... Чу! — полилась соловьиная пѣсня, — замираетъ, растетъ. По душистой резедѣ чуть-чуть, точно задыхаясь отъ волненія, ползетъ улитка, мягкія ея рожки трепещутъ, —

ей приятень ароматъ розы, ее тянетъ къ розовому кусту. Соловьиная пѣсня звенить, таетъ въ воздухѣ. Розовый кустъ тихо колыхается, будто обвѣянный легкимъ вѣтеркомъ. Роза слушаетъ соловья и благоухаетъ. Соловей наслаждается ароматомъ розы и поетъ. Наконецъ улитка съ усиліями вползла на розовый кустъ и припала къ

нѣжному цвѣтку розы. Она была счастлива. Соловьиная пѣсня лилась и лилась, минутами разсыпалась серебромъ. Голоса на балконахъ смолкли, дѣти затихли, — всѣ слушали соловья — люди, деревья, цвѣты, улитка. Вдругъ изъ сырой канавы выпрыгнула лягушка, глаза на-выкатѣ, смотреть не сморгнетъ на розу, разинула пасть: «ква-а, ква-а, ква-а-а!», шлепъ-шлепъ и взбирается на розовый кустъ. Соловей замолкъ, улитка упала среди маргаритокъ, роза опустила душистые лепестки.

— Ахъ, сестрица, какъ ты не во-время квакнула!... Онъ поетъ, роза и всѣ слушаютъ его,— сказала улитка.

— Ква-а! Я теперь въ голосъ и тоже пою... Ты всегда безъ голоса и сиди въ своей скорлупѣ... Ква-а! Видишь,—онъ замолчалъ и слушаетъ меня. Роза благоухаетъ для насъ, и мы оба поемъ....

— Для всѣхъ,—прошелестѣли лепестки розы,— я не могу не благоухать, пока цвѣту; но ты можешь и помолчать минуту, когда поетъ онъ; слушай и молчи.

— Ква-а! Скажите, пожалуйста... вы душисты, сударыня,—это правда; но прыгните-ка такъ, какъ я. Ну-у, что? Ни съ мѣста? Спойте, какъ я! Ни-ни? Не можете?.. То-то... не завидуйте и молчите сами...

— Прыгай себѣ... только не пой!..

— Каждому свое, красавица,—шелестѣлъ лягушкѣ молодой клень:—розѣ—благоухать, соловью—пѣть, а вамъ—скакать въ родномъ болотѣ,—будьте умны и не мѣшайте никому.

— Маня, Маня! Я сейчасъ сорву розу... цѣлый букетъ розъ! Какъ онѣ пахнутъ,—прелесть!—крикнулъ въ эту минуту мальчикъ въ голубой рубашкѣ.

— Ква-а! Слышишь,—твой конецъ, а я вотъ ускачу, не найти ему меня въ канавѣ,—квакнула лягушка,

— И скачи, скачи,—пролепетали цвѣты.
«Тью-тью-тл-дью!» залился снова соловей.

Голубенькій мальчикъ протянулъ было руку къ розовому кусту, и рука его опустилась; онъ смотрѣлъ теперь, затаивъ дыханье, въ полутемныя вѣтви душистой липы.

— Сережа, милый, не рви розъ... онѣ завянутъ, и улетитъ отъ насъ соловей!—подбѣгая, тихо сказала худенькая дѣвочка съ разгорѣвшимся лицомъ.— Вѣдь розы цвѣтутъ и соловей поетъ не для насъ однѣхъ...

Чудная снѣжинка.

Поеть и жалобно стонеть осенній вѣтеръ. Угрюмо смотреть почернѣвшій лѣсъ; потерялъ онъ свою роскошную зелень и, какъ бѣднякъ или нищій, покинуть всѣми: не слышно въ немъ, какъ бывало, ни пѣнья голосистыхъ птичекъ ни веселаго жужжанья неугомонныхъ насѣкомыхъ. Присмирѣлъ старина, призамолкъ, пригорюнился.

Печально смотреть обширныя поля, такъ недавно тонувшія въ золотистомъ морѣ полныхъ колосевъ или дремавшихъ подъ мягкой изумрудной травой, а теперь—увы!—они голы, обнажены...

Зябнуть малютки-зернышки, лежа въ холодной, ничѣмъ не прикрытой землѣ, дрожать беззащитныя бѣдняжки. Холодно, холодно сиротинкамъ!... Съ болью сжимаются отъ суровой стужи; со страхомъ прислушиваются малютки къ унылому завыванью вѣтра и боязливо жмутся другъ къ другу, стараясь сколько-нибудь согрѣться...

Но напрасны эти усилія малютокъ-зернышекъ, — не согрѣтся имъ... И они въ отчаяннїи начинаютъ уже приготовляться къ смерти.

— Видно, смерть приходитъ, братцы, — вонъ она ползеть, тихо подкрадывается холодомъ по землѣ, все ближе, ближе къ намъ... — шепчуть зернышки другъ другу. — Зачѣмъ же усталый пахарь бросалъ насъ и сѣялъ въ рыхлую землю полными горстями?.. Неужели затѣмъ онъ бросалъ насъ и сѣялъ, чтобы мы умерли медленной, мучительной смертью, умерли бесполезно?.. Неоткуда ждать намъ спасенья, некому сжалиться надъ нами... — шепчуть потерявшія всякую надежду малютки-зернышки, покорно приготовляясь къ неизбежной смерти.

Небо покрылось сплошными облаками; какъ громадныя горы, нависли они надъ застывшимъ полемъ. Громче, пронзительнѣе свисталъ порывистый вѣтеръ, и малюткамъ-зернышкамъ казалось, что смерть вотъ-вотъ приближается, вотъ уже сжимаетъ ихъ въ своихъ объятіяхъ....

Но вдругъ что-то бѣлое, яркое, ослѣпительно-бѣлое замелькало, замелькало тамъ, высоко въ воздухѣ, закружилось и стало спускаться на землю. Это что-то было въ звѣздистомъ, прозрачномъ плащѣ, который оно опускало волнами, чѣмъ ближе сходило книзу, потрясая мягкими, блестящими кудрями; искрящіеся глазки его горѣли, какъ сотни алмазовъ. Это прелестное что-то тихо опуска-

лось на продрогшее поле, нѣжно наклоняясь надъ застывшими малютками - зернышками, — теплота разлилась по сердцу земли.

И посыпались бѣлыя крупинки съ прозрачныхъ кудрей чуднаго видѣнія, и пошло оно гулять по полю, разстилая густымъ слоемъ свой мягкій,

нѣжный, бѣлый плащъ. Тепло стало малюткамъ-зернышкамъ подъ бѣлымъ плотнымъ покровомъ.

Согрѣлись бѣдняжки-сиротинки, оправились и почувствовали, что имъ дремлется, что имъ хочется спать, какъ хочется спать утомленному ребенку, когда онъ уже улегся и совсѣмъ вытянулся на своей постелькѣ подъ мягкимъ одѣяльцемъ.

Задремали, заснули малютки-зернышки и видятъ себя во снѣ въ прекрасномъ зеленомъ платьѣ. И все заснуло тогда: заснули горы, поля и лѣса.

заснулъ нахолодавшій воздухъ, заснули рѣки подѣ ледяной корою; лишь чуть-чуть журча о чемъ-то, бредятъ онѣ сквозь сонъ, — заснула вся земля...

А въ этомъ заколдованномъ сонномъ царствѣ зимы чудное видѣнье все еще неустанно ходитъ по бѣлому уже полю, разстилаетъ свой неизмѣнный плащъ и, потрясая кудрями, щедро разсыпаетъ мелкія алмазныя крупинки, — и земля все болѣе и болѣе согрѣвается отъ этого шествія и больше дремлетъ, дремлетъ

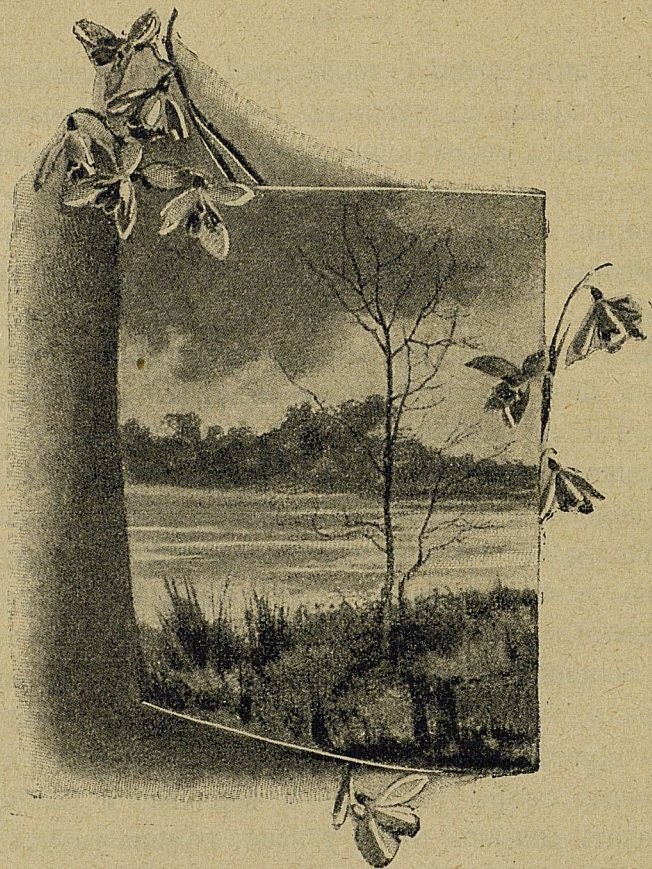
Блестящими звѣздочками носятся въ воздухѣ кусочки этого плаща, одна за одной порхаютъ и другъ за другомъ ложатся онѣ, прижимаясь плотнѣе; а бѣлое прозрачное видѣнье, плавая въ пространствѣ, поетъ ласковымъ голоскомъ надъ заснувшими малютками-зернышками свою нѣжную колыбельную пѣсенку:

— Баю-баюшки, баю! Сладко спите, почивайте, крошки милыя мои! Горя-холода не знайте... И добромъ вы вспоминайте внучку дѣдушки-мороза, бабушки-зимы... Баю-баю, баюшки-баю! Спите, почивайте крошки малыя мои! Я укрою, я согрѣю, крѣпко усыплю, рой видѣній вамъ пошлю! Спите, силъ вы набирайтесь!... Баю-баю, баюшки-баю!.. И пахарь усталый недаромъ пахалъ и въ рыхлую землю васъ сѣялъ, — онъ ждетъ васъ въ зеленой одеждѣ, съ обильнымъ зерномъ... У матери-природы не пропадаетъ напрасно ничего; ни капля дождевая ни былинка полевая... Баю-баю, баюшки-

баю! Спите сладко терпѣливо! Вотъ весна придетъ — царица въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ, — и разбудить малыхъ крошекъ, позоветъ на свѣтъ, на волю... И тогда-то вы проснетесь, улыбнетесь зеленою прекрасной... А пока вы спите, крѣпко почивайте, крошки милыя мои. Баю-баю, баюшки-баю!..

И зернышки - малютки, согрѣвшись, крѣпко спятъ подѣ пѣсни царицы снѣговъ, рассыпающей направо и налево свои пухлыя снѣжинки; она сторожить ихъ во всѣ зимніе морозы, закрывая все больше и больше своимъ богатымъ снѣговымъ плащомъ; что ни день она спускается съ звѣзднаго трона и то тихо, неспѣшно обходить снѣговыя владѣнія свои, то непроглядной метелью несется въ ледяной колесницѣ на бурныхъ безпокойныхъ вѣтрахъ, то — кони лихіе могучей царицы полночнаго царства отъ храпа ихъ стонуть впросоньѣ дубы вѣковые, звѣри уходятъ въ берлоги, и человѣкъ находитъ спасенье лишь у печи, камина своихъ каменныхъ или деревянныхъ жилищъ... Однимъ зернышкамъ малюткамъ тепло и сладко дремлется отъ этихъ прогулокъ всемогущей царицы.

Котъ и мыши.

Пришли сумерки. Въ столовой, маленькой и низенькой комнатѣ, только что покормили дѣтей манной кашей, молочкомъ съ булочкой; была и холодная котлетка для старшаго мальчика..

Маленькая Маруся мелко-мелко искрошила свой кусочекъ булочки, шаловливо хлопая пухлой ладонью, пискливо выкликнула:

— Ахъ, какъ хорошо! — и столкнула взмахомъ руки много крошекъ подъ столъ.

— Манечка, милая мышка, не сори хлѣбецъ! — остановила ее няня.

— Я, нянечка, только малость мышкамъ бросила; онѣ голодны, — имъ вѣдь булочникъ не носить хлѣбца... Я нынче видѣла утромъ, — одна малюсенькая мышка проворно тутъ бѣгала, искала, ничего не нашла.

— Видно, кота Васьки не было, а теперь вонъ лежитъ онъ въ креслѣ, — подъ бѣду ты мышку-то подводишь, не быть ей живой отъ его лапъ.

— Онъ сытъ, я его много кормила, не станетъ онъ ѣсть мышку.

— Э-эхъ, дитяtko, и сытый котъ играетъ съ мышкой, а кошкины игры — мышкамъ слезки.

Дѣти уже въ дѣтской, каждый въ своей кроваткѣ: кто шепчетъ самъ съ собой, закрывши глаза; кто держитъ пальцы на вѣкахъ такъ крѣпко, что видить и при закрытыхъ глазахъ, какъ у него подъ пальцами ходятъ зеленые и разноцвѣтные круги, искрятся огоньки; кто думаетъ, какую на него надѣнуть рубашечку: красную или палевую, — завтра вѣдь праздникъ, — и что будетъ на третье блюдо въ обѣдъ: пирогъ съ яблоками, пудингъ или кисель. Хорошо бы пудингъ, — давно его не было...

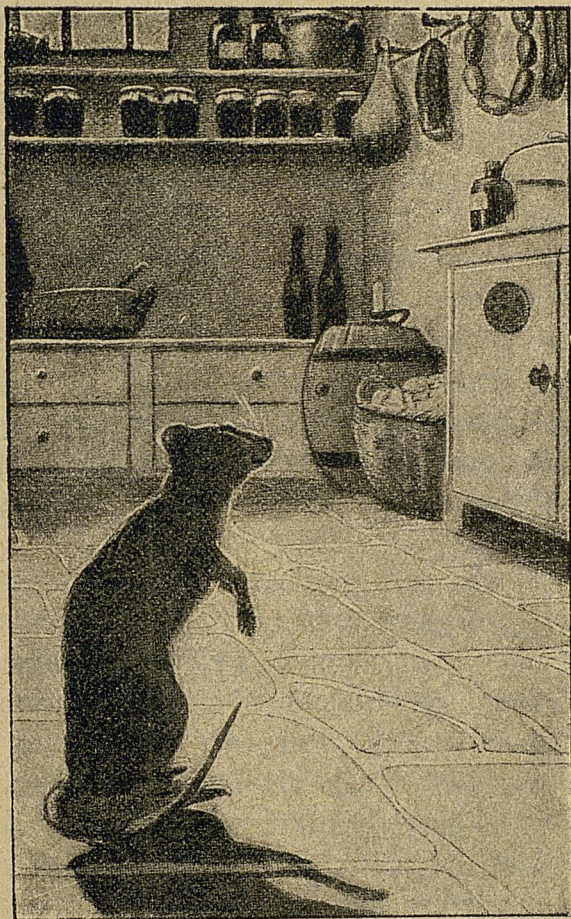
Въ столовой темно. Въ дѣтской чуть-чуть только мигаетъ лампадка у иконъ. Тишина. Дѣти нынче скоро заснули.

Изъ одного, другого, третьяго уголка свѣтятся уже маленькіе, бойкіе глазки: мышки уже выглядываютъ изъ подполья,—и побѣгать имъ хочется на просторѣ, въ огромной для нихъ столовой, и ѣсть хочется, страшно хочется ѣсть! Цѣлый день во рту не было ни крошки, грызли дерево въ подпольѣ, но отъ этого сытъ не будешь,—вострили только зубы.

— Ппи!—пискнула старая мышь въ подпольѣ и сцѣпила за хвостъ молодую, сбросила назадъ, сама присѣла на ея мѣсто въ уголокъ, проворчавъ тихо про себя:—Глупая, лѣзетъ впередъ!.. Трусиха, а лѣзетъ, какъ разъ налетитъ на бѣду!—и она поводила мордочкой, нюхая воздухъ и озираясь въ темнотѣ; она чуяла, что котъ близко, хотя и не видѣла его.

Маленькая мышка Матреша сердито вцѣпилась ей въ ногу и такъ больно укусила, что старая мышь Овдотья отчаянно пискнула и пулей вылетѣла впередъ, въ столовую. Матреша сѣла на ея мѣсто.

На креслѣ котъ Василій чуть-чуть вытянулъ заднюю ногу и полуоткрылъ лѣвый глазъ, подумавъ: «Дуры, ишь грызутся, вотъ я помирю васъ! Пожалуйте-ка сюда, торопитесь не будемъ. Дадимъ мыши ходъ! Соберется побольше, тогда и увидимъ, съ которой начать игру нашу!»

Мышь Овдотья, живо обѣжавъ столовую, чуя кота, но не видя его, проскользнула подъ столъ, сцанала тамъ крошку, наскоро проглотила ее, забрала было другую... а надъ ея острой мордочкой

вертѣлась уже маленькая мышка Матреша. Матреша была такъ голодна, что, замѣтивъ крошку у тетушки Овдотьи въ посѣдѣвшемъ усикѣ, живо схватила ее, прокусивъ ей немного и верхнюю губу; тетушка дала ей такую увѣсистую пощечину, что разомъ раздался отчаянный пискъ и старой и молодой мыши.

Это совсѣмъ взбѣсило кота Василия, — полное вѣдь неуваженіе!.. Вотъ и будь снисходительнымъ къ каждому мышонку, такъ, чего добраго, онъ тебѣ на голову прыгнетъ.

Бррр! Батюшки, воры! Въ собственномъ домѣ и при немъ самомъ, Василии Ивановичѣ, и крошки таскать безнаказанно и буйствовать еще — полное неуваженіе!

И онъ мѣшкомъ свалился съ кресла, бросившись и туда и сюда, желая сгрудить разомъ обѣихъ мышей; но онѣ змѣйками отъ него разбѣжались и до того растерялись, что обѣ столкнулись въ одномъ и томъ же уголкѣ. Минута, — котъ былъ тамъ, мышки снова бросились отъ него, и началась игра.

Старая мышь Овдотья, видя, что маленькая мышь Матрена задыхается отъ страха и устали, рѣшила отвадить отъ нея кота, — такъ, быть-можетъ, что-нибудь да какъ-нибудь онѣ и выиграютъ, хоть время проведутъ, — надежда поддерживааетъ вѣдь слабыхъ, — авось обѣ улизнуть!

И она стала, не подпуская близко, метлешится у него въ глазахъ; ужъ котъ разъ даже текъ уда-

рилъ передней лапой ее по спинѣ, что у нея изъ глазъ посыпались искры. Матреша совсѣмъ было попалась въ лапы, напрягла послѣднія силы и сунулась снова въ свой уголь; котъ былъ тамъ, только на секунду Матреша упредила его; она скользнула въ норку, но — ахъ! — жестокая боль, словно огонь, разлилась по всему ея маленькому тѣлу...

Что это, неужели онъ ее сцапаль? Нѣтъ, она свалилась въ подполье на всѣ четыре лапки, въ зубахъ кота остался только ея хвостъ, красивый хвостъ! Но она лежала безъ чувствъ, и чуть-чуть только замѣтно было, что она еще дышала....

Сбѣжалось все подполье, во всѣхъ углахъ тамъ уже пищали:

— Матрешу котъ загрызъ! И такъ искромсалъ, такъ изѣлъ, что теперь ее и не узнаешь! Что-то бросилъ отъ нея прямо въ щель, — не знай — голову, не знай — лапки!

— Ну, вотъ и не такъ говорите вы, молодые мышата, — отѣлъ онъ только правый бокъ, а голова и лапки на мѣстѣ. Она ему прокусила ухо, онъ ее и выпустилъ; смѣлая Матреша, вишь ты, на кота пошла! Съ котомъ сцѣпилась, шутка ли это!

— Все это сказки кумушки! Ужъ гдѣ котъ объявился, мыши тутъ съ нимъ рядомъ не сидѣтъ, поиграть онъ поиграетъ, а живую изъ лапъ не выпустить!

— Анъ, бабушка Василиса, мышъ ты старая, а лжешь тоже! Посмотри, вонъ она бѣгаетъ!

— Забѣгала, скажешь тоже!

— Да, бѣгаетъ: безъ хвоста только, а бѣгаетъ!

— Ну, а я-то что же пицала? Что цѣлую мышку котъ не пустить, ну, и выходитъ безъ хвоста; а безъ хвоста мышъ — развѣ мышъ? Хвостъ для мыши—все: нѣтъ у мыши хвоста,—нѣтъ и мыши! Развѣ у насъ теперь кто съ ней будетъ водиться изъ нашего общества, съ безхвостой-то? Нѣтъ ужъ, сударка, полѣзай опять къ коту, играй тамъ, а намъ безхвостой мыши не нужно! Этакій позоръ. Я много лѣтъ живу на свѣтѣ, въ которомъ подпольѣ принята уже съ честью, а такого позора, чтобы съ безхвостой жить,—не приходилось! Котъ можетъ каждую изъ насъ загрызть, отѣсть голову, и царапать до-смерти, а хвостъ отѣсть и пустить живой,—этакаго сраму въ мышиномъ мѣрѣ не бывало! И это съ молодой мышью!

Маленькая мышъ Матреша, дѣйствительно, бѣгала безъ хвоста; она все еще дрожала отъ пережитаго страха и понять не могла, отчего отъ нею всѣ стороны....

А въ столовой наверху шла отчаянная возня.

Котъ Василій страшно волновался, что упустилъ маленькую мышку, грызъ въ зубахъ ея хвостъ, словно досаждалъ себѣ этимъ за свою глупость, что онъ не вытащилъ за хвостъ мышку, какъ это съ нимъ не разъ бывало, а отгрызъ его и пустилъ ее на свободу.

Старая мышь Овдотья, хитрая изъ всѣхъ мышей этого подполья, ловко спряталась въ гардинѣ и смѣялась себѣ въ усы, видя, какъ котъ грызеть отъ досады глупый хвостъ изъ-за своей глупости. А котъ никакъ не могъ рѣшить, куда скрылась другая мышь; присѣлъ, прилегъ надъ хвостомъ, вытянулся на спинѣ и, какъ клоунъ, сталъ подбрасывать хвостъ вверхъ и ловить его. Онъ былъ сытъ, выпался, такъ что сонъ уже не бѣжалъ къ нему. Лѣнтяй былъ онъ изрядный, а все-таки и изрядному лѣнтяю совсѣмъ безъ дѣла бываетъ скучно.

Умная мышь Овдотья за всѣмъ этимъ зорко наблюдала и про себя думала:

«Вотъ поди ты, рассказать ежели нашимъ мышамъ,—вѣдь не повѣрятъ! Такой страшный звѣрь, умный вѣдь,—и, дуракъ, забавляется мышинымъ хвостомъ! Ну-ну, дѣла! Пожалуй, онъ такъ меня долго будетъ тутъ манежить»...

А котъ все лежалъ и все подбрасывалъ и все ловилъ хвостъ.

И вдругъ стало мышкѣ Овдотѣ такъ тяжело, такъ тошно смотрѣть, какъ забавляется мышинымъ хвостомъ котъ Василій, что она отчаянно пи-скнула:

— Мышиный хвостъ!—и стрѣлой бросилась въ знакомый ей уголь.

Котъ зачѣмъ-то три раза перевернулся кубаремъ, словно сумасшедшій, но попалъ въ уголь уже тогда,

когда старая мышь Овдотья въ подпольѣ, въ толпѣ подругъ, рассказывала про кота «мышиный хвостъ». И всѣ мыши смѣялись и повторяли:

— Коть мышиный хвостъ! Коть мышиный хвостъ!

Повторяла: «Коть мышиный хвостъ!» и безхвостая Матреша, а хроменькая мышка Елизаревна сложила даже маленькій стишокъ:

У кота ли Воркота,
У кота ли Буркота
Было два хвоста...

— А что тамъ не говорите, сестрицы-мышки,— перебила стишочницу старая мышь Овдотья,— а кота намъ за эти безобразія надо поучить... Ты насъ ѣшь, уродуй, а хвостами мышиными не играй!

— Ха-ха-ха!—засмѣялось все подполье.—Кота поучить! Хе-хе-хе! Кота поучить! А какъ ты его поучишь?

— А очень, то-есть, просто! Подкараулить. когда онъ спитъ...

— Ну?..

— Выбраться всему подполью разомъ, вцѣпиться въ его хвостъ и отгрызть его!

— Какъ это просто! Да пока ты зубами вопьешься, онъ тебя пополамъ перегрызеть!

— Ну, всёхъ-то не перегрызеть! Пока онъ грызеть одну, другую, третью, ему хвостъ-то и отбѣдятъ.

— Умна тоже! Такъ тебѣ и будутъ ждать всё, когда онъ всёхъ перегрызеть... Просто разбѣгутся, а котъ, можетъ-быть, теперь при двухъ хвостахъ, а потомъ при трехъ и больше... Грызи да грызи мышинные хвосты да играй ими, коли сытъ. А котъ всегда сытъ... Это не мышъ трусливая, слабосильная! Вотъ что!..

Нашъ садикъ.

На самомъ берегу Волги зеленѣль весной нашъ маленькій садикъ. Цвѣли въ немъ два десятка яблонь, три грушевыхъ дерева и немного вишневика. На горкѣ, на припекѣ, росли кусты малины, крыжовника, черной смородины; тутъ же ползла по землѣ и клубника, а въ концѣ сада, подь развѣсистой липой да промежь кустовъ душистой чере-

мухи, скромно прячась отъ людскаго глаза, тутъ и тамъ виднѣлось съ десятокъ пчелиныхъ ульевъ. Отъ утренней до вечерней зари сновали и жужжали надъ нимъ неутомимыя пчелы. Поодадь пчельника, у самой стѣнки плетня, какъ заботливый сторожъ, стоялъ старый, молчаливый дубъ; въ его прохладной тѣни и раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ всегда можно было встрѣтить двухъ-трехъ крестьянскихъ дѣтей; они собирались сюда слушать соловья, каждую весну прилетаваго въ нашъ маленькій садикъ. На старой яблонѣ, родившей вкусныя бѣлевыя яблоки, онъ виль со своей сѣрой подружкой волосяное гнѣздышко кувшинчикомъ. Въ гнѣздышко сѣрая подружка соловья снесла пять-шесть маленькихъ одноцвѣтныхъ сѣрорато-зеленыхъ яичекъ и заботливо высиживала ихъ четырнадцать-пятнадцать дней. Въ это время соловей, сидя на ближней вѣткѣ и закрывъ глазки, пѣлъ ей чудныя пѣсни. Подружка такъ глубоко сидѣла въ волосяномъ гнѣздышкѣ, что изъ него едва виднѣлся только ея маленькій клювикъ, но она не спала, а, затаивъ дыханіе, чутко слушала соловья.

Смолкъ и ребячій лепетъ, не слышно и жужжанья пчель; дружнѣй ли онѣ работали, собирая цвѣточную пыль для восковыхъ сотовъ, высасывая благоухающій сокъ изъ ближнихъ цвѣтовъ для сладкаго меда, — вѣдь трудъ веселѣе спорится подъ пѣсню, — или молча слушали эту пѣсню и отдыхали отъ трудовъ своихъ, вѣдь отдыхъ слаще при ласкаю-

щихъ звукахъ пѣнія, — сказать мудрено, но было такъ тихо-тихо въ саду, что, казалось, вся природа смолкла и молилась своему Творцу въ дивныхъ, чарующихъ звукахъ пѣвца весны... Садъ благоухалъ, соловей все пѣлъ, пѣснь его росла, ширилась, и мягкіе, серебристые звуки ея неслись свободно въ голубую, безоблачную высь... Еще, еще два-три перелива — и пѣснь какъ бы растаяла въ неподвижномъ ароматномъ воздухѣ...

— Ахъ! — глубоко вздохнулъ Кузя, потряхнувъ бѣлокурой головенкой.

— Хорошо! — прошептала и Степа, оглядываясь какъ бы со сна кругомъ.

Хрустнула хворостинка въ плетнѣ. Степа и Кузя оглянулись, видятъ — Ариша перевѣсилась черезъ плетень и словно застыла; русая косенка ея выбилась изъ-подъ краснаго платочка, платочекъ свалился на шею, каріе глазенки широко раскрыты, полуоткрытъ ротъ, и слюнки сбѣгали съ пухлыхъ губъ на смятый подбородокъ.

— Аришка, ты куда? — крикнулъ весело Степа.

— Шш-ш! Не мѣшай, я его слушаю!

— Эва! Да ужъ онъ не поетъ!

— Оставь! Говорю, — поетъ!

Ребята громко захохотали.

— Ай дѣвка-то рехнулась?!

Соловей давно ужъ смолкъ, но маленькой дѣвочкѣ казалось, что пѣснь его еще не замерла, а звучитъ гдѣ-то здѣсь, у нея въ груди...

Смѣхъ дѣтей привелъ ее въ себя; она глубоко вдохнула ароматный воздухъ въ маленькую грудку, и на карихъ глазкахъ блеснули двѣ крупныхъ слезинки...

— Гляди-тко, Степа, панычъ идетъ,—крикнулъ Кузя, вскакивая на ноги,—и удочки несеть и бредень,—знать, за рыбой собрался и насъ ищетъ!

— И я съ вами,—робко отозвалась Ариша.

— Тоже рыболовъ выискался!

— Я не ловить, я смотрѣть буду и червячковъ накопаю...

— Да отъ тебя куда дѣнешься. Гдѣ голова,—за ней и хвостъ тащится, гдѣ ребята,—тамъ и ты поспѣла... Панычъ, аль за рыбой?..

— За рыбой!—сказаль, ласково улыбаясь голубыми глазами, полный, широкоплечій невысокаго роста мальчикъ, подходя къ дубу.

— А мы соловья у тебя слушали! Ахъ, и пѣль! У Аришки и слюни потекли, рехнулась дѣвка; онъ и пѣть бросиль, а она на насъ шикаеть: «Не мѣшайте де, соловья слушаю!...»

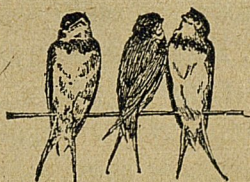
И опять раздался дружный хохоть Степы и Кузи; смѣялась и Ариша, показывая бѣлые зубы; задумчиво улыбался и голубоглазый панычъ...

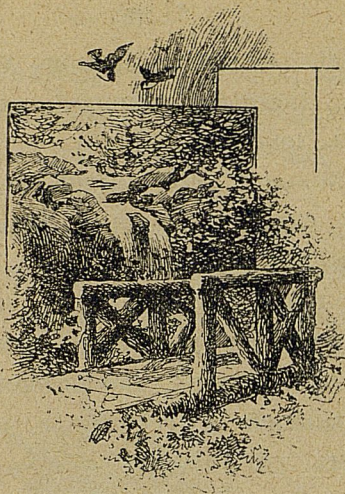
— Ну, идемъ, что ли!

— Поеть, опять поеть!—приложивъ палець къ губамъ, прошептала Ариша.

Она была права. Соловей снова запѣль, сперва тихо-тихо, а потомъ громче, выводя тонкіе, нѣжные переливы за переливами... Снова все замерло, не шелохнетъ листь на яблонѣ, гдѣ засѣль пѣвецъ, притихли и рѣзвья дѣти, тишина кругомъ, аромать, и только растеть, звенить, серебромъ разсыпается чудная пѣснь соловья.

Хорошо было весной въ нашемъ маленькомъ садикѣ, въ селѣ Чардымѣ, на широкой матушкѣ-Волгѣ!

Мушки-сластушки

(Сказочка.)

Почуяли мухи медовые духи, взвились, полетѣли, летять—пищать:

— Ухъ, какъ сладко! Ухъ, какъ сладко!

Прилетѣли, на столъ сѣли... Боже, чего тутъ нѣтъ! Сахаръ, сухари, галеты, сливки, варенье, колбасы, сыры, горки булокъ, печеній,—все такъ вкусно, все такъ пріятно... Растерялись мухи,—закружились у нихъ головы,—и ни съ мѣста... Сидятъ мушки, туда-сюда смотрятъ.

— Гдѣ же Медь Медовичъ, господинъ самый сладкій?... Какъ чудесно надушень онъ, духъ его слышимъ, а гдѣ онъ,—не видимъ!—шепчутся мушки.

— Ш-ш-ш-с-с-с!—ворчитъ господинъ толстый, со всѣхъ сторонъ пузатый, короткая шея, малая головка, стоитъ всѣхъ выше, стоитъ на всѣхъ грозить:—Охъ, уйду!... Охъ, уйду!... Ба-а!.. И вы тутъ, мухи! Къ меду! Не дамъ вамъ меду! Медъ вамъ вреденъ, медъ вамъ опасенъ... увязите ножки

— Кто это такой уродъ нелюбезный?.. Неприятно намъ тебя слушать!—подлетѣла молодая мушка и пискнула подъ самымъ носомъ урода...

— Я само... варрѣ... само... варѣ... Прочь! Такъ, сестрица-крошка, умою,—тутъ тебѣ и конецъ!..

И зашипѣлъ, забрызгалъ еще больше.

Смѣлая мушка кубаремъ покатила, пропала у мушки и свѣтъ въ глазахъ... Но и тутъ—молода, молода, но о медѣ не забыла....

— Ахъ, вотъ онъ милый, прелестный, наша радость!—пискнула мушка.—Вотъ онъ, тетушки, сестры, мушки-пѣвуньи!

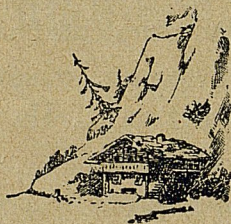
Гдѣ тутъ усидѣть мухамъ? Разомъ весь рой поднялся... Медъ разсыпной, крупчатый, какъ слезка, чистый, самъ глядѣлъ на нихъ широкимъ сотомъ изъ-за самовара, съ глубокаго блюда... Понеслись мухи... Самоваръ вскипѣлъ отъ волненія:

— Куда? Куда? Экая дерзость! Вотъ я васъ! И охватило облако пара мушекъ-сластухъ... И—о.

ужась! — падаютъ, падаютъ мушки - сластухи, — тутъ имъ и конецъ!

Сладокъ медъ, да не каждой, знать, мушкѣ до него добратся.

Но молодая мушка добралась до меда, собралась его отвѣдать... и... и увязила ножки въ сладкой медовой слезкѣ...

Рыболовы.

Онъ ловиль—она подловила

Горки, пригорки, холмы да поля, дальше— мелкій лѣсокъ. За лѣскомъ, правѣй, вьется, журчитъ въ песчаныхъ берегахъ рѣчка Потатуйка, лѣвѣе— опять холмы, опять поля. Тутъ, между двухъ холмовъ, точно между двухъ верблюжьихъ горбовъ, прижались плотно дружка къ дружкѣ десятка два крестьянскихъ избъ; это—деревня Потатуйка.

Зналь я когда-то въ деревнѣ Потатуйкѣ древняго старца Власьича. Доброй души былъ старикъ, высокій, сухощавый, волосомъ бѣль; шея, руки, лицо въ морщинахъ: глаза голубые, ясные; рѣчь

тихая, мягкая, неспышная. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ былъ уже сильно ветхъ, а безъ труда—ни минуты; по зимамъ и дремлетъ, а лапоть ковыряетъ; лѣтомъ еле ногами двигаетъ, а на рѣку рыбу удить плетется. Сядетъ на песчаномъ бугоркѣ подъ кустомъ, чтобы не очень его пекло, закинетъ удочку, щурится, нѣтъ-нѣтъ, а краснопераго окунька выброситъ на берегъ, да и на кукань*).

И вотъ въ одно лѣто съ Власьичемъ случилась исторія на рыбной ловлѣ.

Сидитъ старый на берегу, подъ любимымъ кустикомъ, сидитъ часъ, другой, посадилъ ужъ на кукань штукъ шесть окуньковъ, два-три щетинистыхъ ерша, пополдничалъ, покрестясь, хлѣбцемъ съ водицей, подумалъ-подумалъ: «Не поплестись ли домой? Нѣтъ, можетъ-быть, къ вечеру еще какой пятокъ окуней или ершей наловлю.. потѣшу внучать,—пускай радуются да ѣдятъ уху на здоровье»...

И поднялся было старый, да опять насадилъ червяка, закинулъ удочку на Оенино счастье (внучка у него пятилѣтка, Оеня) и присѣлъ. Присѣлъ, повѣяло вѣтеркомъ, а дрема тутъ какъ тутъ, точно напѣваетъ: «Спи-засни... спи-засни!» Заклевалъ старый Власьичъ носомъ и заснулъ; пошли у него хорошіе сны...

*) Кукань—тонкая бечевка, на которую рыболовы сажаютъ пойманную рыбу и опускаютъ ее въ воду, чтобы она не уснула; палочка, къ которой привязанъ одинъ конецъ бечевки, воткнута въ берегъ.

Въ эту-то минуту изъ мелкихъ кустовъ шмыгъ-шмыгъ,—тихо выплыла лиса. Лису охватилъ яркій солнечный свѣтъ; она щуритъ глаза, вертитъ пушистымъ хвостомъ направо, налѣво, обнюхиваетъ... Томить лису жажда; лиса — къ рѣкѣ, лакаетъ чистую воду, а сама думаетъ: «Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо... какъ пріятно!» Напилась, смотритъ въ воду,—вода прозрачная!—видно песчаное дно, бугорки, ямки, камешки, маленькія плотички играютъ весело: вильнуть хвостомъ и дальше, точно манятъ лису къ себѣ. Лиса задумалась: «Ай и вправду половить рыбки?... Рыбный столъ—вкусный тоже столъ»... Лиса побрела вблизи берега, лапкой хватъ да хватъ плотичку, а плотичка отъ нея въ сторону да въ сторону; лиса впередъ... «Ба! Вотъ рыбка покрупнѣе», думаетъ лиса и играетъ лапкой съ окуньками Власыча; окуньки вертятся около нея, ерши топорщатся, а далеко не отплываютъ... «Чудно что-то!—удивляется лиса и начинаетъ обхаживать кругомъ.—Нѣтъ ли тутъ,—думаетъ,—какой-нибудь человѣчьей хитрости, какъ бы въ бѣду не попасть!..»

Оглянулась по сторонамъ, видитъ — дремлетъ на берегу старикъ... Лиса бросилась дальше, остановилась, облизываетъ губы языкомъ,—разлакомила ее живая рыбка... И охота половить—и страхъ беретъ. Подумала-подумала, прилегла, глаза прикрыла, лежитъ,—не дышитъ, минута,—и поползла тихонько, помалехоньку, ближе да ближе, ползеть, а въ старика зорко всматривается... «Спать... старъ...

Старъ, что маль, не опасень... Будь—что будеть! Ножки рѣзвыя не выдадутъ,—улизну отъ стараго, не догонить!» И вотъ лиса опять у кукана, присѣла, хватъ-хватъ лапкой, еще, еще; поиграла съ окуньками, нащупала лапой бечеву, добралась къ берегу до палки, палку въ зубы, рыбу на спину и понеслась по берегу; бѣжить, бѣжить да нѣтъ-нѣтъ на стараго и оглянется... А старый—«хръ-хръ!» — храпять и хорошіе сны видить...

Бѣжить лиса по берегу, бѣжить - спѣшить, а навстрѣчу ей—мальчонка, Сенюшка, внучекъ Власыча; онъ шелъ дѣда провѣдать, увидаль лису съ рыбой, бросился за ней, лиса набавила шагу да въ кусты,—и поминай какъ звали!

— Дѣдъ, дѣдъ!.. —бѣжить, кричить Сеня. — Смотри, твою рыбу лиса словила!

Очнулся Власычъ.

— А-а! Что-о?

— Рыбу твою, говорю, лиса утащила!

— Ай-яй, ахъ-ахъ! Гдѣ кукань? Не ты ль, Сеньюшка, пошутилъ надъ старымъ?

— Нѣтъ, дѣдынька, не я... Наловилъ ты рыбки-то на уху лисѣ... Она, поди, тебя съ лисенятками-то благодарить теперь...

— Что дѣлать! Что дѣлать! Сдремнулъ я малость, внучекъ, сплеховаль... Старъ, слабъ сталь... дрема одолѣваетъ... И хотѣлъ вѣдь домой брести, да корысть взяла, больше, вишь, хотѣлъ наловить, а и того вонъ лишился, что было... Ну, да Богъ съ ней... И ей, лисѣ-то, тоже ино время рыбкой надо полакомиться.. Мы еще, живы будемъ, наловимъ, въ рѣкѣ-то много рыбки, а ей она въ диковинку... Пускай поживится!..

И въ глазахъ и на лицѣ у Власыча засвѣтилась добрая улыбка; въ его глазахъ постоянно свѣтилась улыбка.

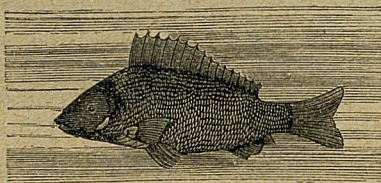
— Какъ же, дѣда,—шутилъ Сеня,—лиса изъ твоей рыбки уху-то варить будетъ? Вѣдь въ норѣ-то, поди, она ни печки, ни котелка, ни воды, ни огня про этотъ случай не заготовила.

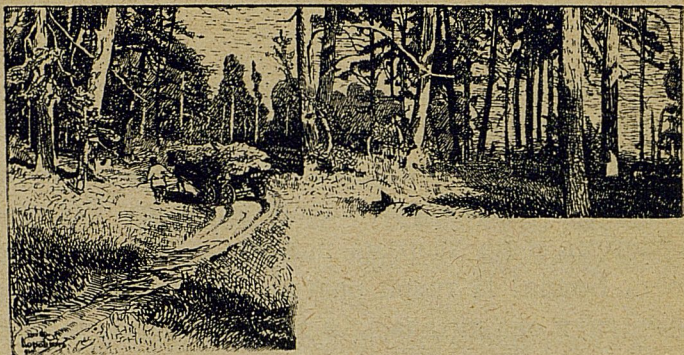
— Уху какъ будетъ варить? А зачѣмъ ей уха? Она рыбку-то, милый, чудесно и живенькую съѣсть.

— Ты говоришь, дѣда, ершей наловилъ? Ершь-то колючъ, подавится она ершомъ-то... подниметь ершь щетину, ей съ нимъ и не справиться!

— Не бойся, касатый, не тотъ звѣрь лиса, не такъ она проста,—она и ершомъ не подавится! Ум-

ный это звѣрь... Что глазъ, что смѣтка, что сноровка, — хитрѣй, лукавѣй его не найдешь... Что ей ершь! Человѣка провела, такъ съ ершомъ справится! Ну, внучекъ, собирай снасти-то да съ Богомъ, со Христомъ и ко дворамъ поидемъ... Велика премудрость Божія! И твари разумъ далъ Господь, чтобы, значить, и она питалась, и дѣточекъ могла вырастить да выучить, и отъ напастей схорониться... Великъ мѣръ Божій, и про всѣхъ Онъ, Милостивый, въ немъ мѣсто припасъ и всѣмъ указалъ, какъ питаться!..

Сосна и береза.

На широкой полянѣ, покрытой мѣстами зеленою муравой, мѣстами—сышучимъ пескомъ, много лѣтъ росли другъ около друга сосна и береза.

Въ яркіе дни солнце заботливо ласкало ихъ своими горячими лучами: оно равно посылало имъ обѣимъ свѣтъ и тепло. Въ ненастные, пасмурные дни мелкіе и крупныя дожди равно кропили ихъ обѣихъ, равно поили чистою водою.

Сосна и береза росли молча, жили каждая своей жизнью и каждая по-своему.

Сосна алѣла безлистнымъ стволомъ подь солнцемъ, уйдя зелеными вѣтками съ тонкой хвоей высоко, любуясь тамъ и дни и ночи небесами, не желая смотрѣть на землю, не желая знать, что дѣлается внизу, вблизи нея. Береза склонила свои вѣтви

съ кудрявыми листьями къ землѣ и грустно поникла долу.

Сосна и береза, казалось, не знали другъ друга, и не хотѣли знать: сосна не хотѣла опустить своихъ вѣтокъ, чтобы взглянуть на березу сверху внизъ; береза не хотѣла поднять своихъ вѣтокъ, чтобы взглянуть на сосну снизу вверхъ....

Былинки, муравьи, пестряя бабочки, малыя бу-
кашки жили тоже своей жизнью неподалеку отъ
сосны и держались ближе къ березѣ; они, казалось,
не огорчались тѣмъ, что эти сосѣдки не хотятъ знать
другъ друга.

Но безпокойный вѣтеръ, вѣчно чѣмъ-нибудь за-
нятый, часто пробѣгавшій наскоро широкой поляной
въ ближнія хлѣбныя поля, въ темный лѣсъ, видимо,
былъ недоволенъ тѣмъ, что сосна и береза никогда

не обмолвятся другъ съ другомъ,—онъ рѣшилъ познакомиться ихъ...

И вотъ какъ-то разъ быстрокрылый вѣтеръ поработалъ много,—онъ разсѣялъ сотни, тысячи цвѣточныхъ сѣмянъ по разнымъ мѣстамъ, онъ раздулъ и поднялъ съ полей дремавшій туманъ, онъ угналъ сѣдой дымъ, темную копоть раннимъ утромъ изъ селъ, городовъ, деревень въ небеса, онъ собралъ караваны облаковъ, двинулъ ихъ на поля, жаждавшія дождя, и окропилъ ихъ живительною влагой,—онъ усталъ, переутомился и явился отдохнуть и погостить часъ-другой у сосны и березы.

Вѣтеръ, какъ всегда, порывистый и скорый, налетѣлъ разомъ, зашумѣлъ въ хвоѣ сосны, упалъ въ кудрявыя вѣтви березы,—листья залепетали:

— Здравствуй, сосѣдка!—молвила сосна.

— Здравствуй, подруга!—отвѣтила береза.

— Что ты, сосѣдка, опустила печально свои вѣтви къ темной землѣ и ни разу не взглянешь на ясное Божье небо?! Посмотри, какъ хорошо тамъ: тихо, тепло, свѣтло, а на землѣ темно, сыро, шумно!..

— Да, подруга, вижу—небо ясно, но оно далеко, оно не знаетъ нашей печали; земля—наша мать, на ней мы родились, она раститъ нашихъ дѣтей—наши сѣмена, ея печали—наши печали...

— Какія печали? Надо радоваться, пользоваться всѣмъ, чѣмъ можешь!...

— Нѣтъ, это не то, подруга, не то,—лепетали тихо малые листья печальной березы.—Нельзя не

знать того, что дѣлается вблизи насъ: вонъ, я вижу, къ намъ часто ходятъ лошади, коровы, овцы, онѣ щиплютъ траву,—видишь, какъ голо около насъ!..

— Ну, и пусть кушаютъ, если имъ это нравится,—тебѣ что за дѣло до крохотной травы, вѣдь отъ нея намъ ни тепло ни холодно... Я очень рада, что она не растеть около меня!....

— Ошибаешься, подруга,—малая травка и сама живетъ и намъ даетъ жизнь, она задерживаетъ дождевую влагу; влага проходитъ къ нашимъ корнямъ и даетъ имъ свѣжіе соки—нашу пищу... И намъ надо работать для этой малой травы; я работаю, какъ могу: въ каждую осень роняю мои листья на землю, мелкій дождикъ кропитъ ихъ и вмѣстѣ съ тепломъ обращаетъ въ черную землю; эта земля питаетъ молодую травку, значить, въ травкѣ—соки моихъ листьевъ, и травка не чужая мнѣ... мнѣ грустно, когда она исчезаетъ, мнѣ жаль ее...

Нельзя жить только для себя. Если каждый будетъ жить только для себя, ему нечѣмъ будетъ жить, онъ погибнетъ, и все погибнетъ кругомъ него... Опусти свои вѣтки ниже, смотри, дождикъ поить землю, земля кормить траву и деревья... Мы отдаемъ листья землѣ, которая питаетъ насъ....

— Я не вижу земли; мнѣ нѣтъ дѣла до земли. Я берегу мою зелень для себя... Правда, иногда бросаю ненужныя мнѣ сухія шишки внизъ, на песокъ,—небесный вѣтеръ уноситъ ихъ куда-то; онъ знаетъ, что я не люблю сора, сырости, и очищаетъ

мою песчаную площадку. Земля должна быть очень довольна тѣмъ, что я украшаю ее... Смотри, какая я стройная, я красивѣе всѣхъ деревьевъ!..

— Оо-охо-охъ, подруга, ты красива, слова нѣтъ, и дай тебѣ Богъ всегда быть красивой и жить много лѣтъ; но подумай, хотя минуту, чѣмъ была бы ты безъ корней?! Не ройся они въ землѣ, не пришлось бы тебѣ красоваться, не пришлось бы жить, любоваться собой, не пришлось бы видѣть голубого неба... Все живущее на землѣ тянется къ небу; но небо—только широкой, далекой путь, по которому, словно по волнамъ, неустанно плаваетъ наша земля.

— Не знаю, сосѣдка, не знаю этого... Для меня нужны свѣтъ, просторъ, ясное небо... Земля—только мое подножіе, довольно съ нея и того, и пусть она будетъ моимъ подножіемъ, и пусть радуется, что я даю ей мои корни! Я, я...и небеса.... все для меня!..

Заволновался вѣтеръ, слушая горделивыя рѣчи сосны, заметался изъ стороны въ сторону, не могъ слушать ихъ безучастно, онъ бросился порывисто въ вѣтви, всколыхнулъ ихъ сильно,—затрещали вѣтки, и часть ихъ шумно упала на землю; оголилась почти вся вершина сосны.

Склонила низко къ упавшимъ сосновымъ вѣткамъ свои вѣтви печальная береза, затрепетала и заплакала горько.

Взволнованный вѣтеръ проворчалъ что-то сердито и умчался далеко.

* *
* *

Прошли годы, десятки лѣтъ. На широкой полянѣ кругомъ березы разрослась густо зеленая мурава; здѣсь дружной семьей толпились молодыя бѣлоствольныя березки, слушая сказки и были старрой бабушки березы, которая, любуясь на внуковъ, не чувствовала, что состарилась. Веселой весной тутъ алѣли, желтѣли и благоухали яркіе цвѣты; тутъ поутрамъ жужжали трудолюбивыя пчелы, собирая неустанно сладкій медъ, по вечернимъ и утреннимъ зорямъ въ вѣтвяхъ старой березы пѣлъ чудныя пѣсни соловей. Онъ пѣлъ: «Люби, жалѣй, трудись, живи не для себя!... Живи, давай жить другимъ, и будешь счастливъ! Люби, жалѣй!» Люди слушали дивныя пѣсни соловья, и ихъ измученнымъ горечами жизни сердцамъ въ эти минуты было легко, тепло, радостно, и свѣтлая надежда обвѣвала ихъ лучезарнымъ крыломъ.

Сосна много лѣтъ стояла и скрипѣла гордо подъ вѣтромъ: «Я я... не хочу знать никого»... Такъ и окончила она свою жизнь одиноко на сыпучемъ холодномъ пескѣ, потерявъ въ послѣднюю бурю свою послѣднюю хвою...

Не любитъ больше сосна яснымъ небомъ оно для нея померкло. Вѣтки ея изсушило пламенное солнце, вѣтеръ разсѣялъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, и всѣ ея забыли, — забыли птицы, пчелы, цвѣты, травы, люди...

Тревожный вѣтеръ, пробѣгая потомъ этими мѣстами, посѣялъ на песчаной полянѣ новыя сѣмена другой сосны, изъ ближняго лѣса, родной сестры погибшей; сѣмена эти согрѣла, вспоила, вскормила земля; они выросли стройными сосенками на радость себѣ, молодымъ березкамъ и зеленой муравѣ, но птицы, любящія листья, не вили на нихъ гнѣздъ, не выводили своихъ птенцовъ, не пѣли своихъ пѣсенъ.

* *
* *

Такъ было, такъ бываетъ,—неужели такъ будетъ всегда?...

Такъ все идетъ на землѣ изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Гордые сосны одиноко умираютъ, исчезаютъ безслѣдно.... Холодныя скалы, поднимающіяся до облаковъ и уходящія въ моря, смываютъ безпокойныя волны и уносятъ въ морскія бездны... То же бываетъ со всѣми на землѣ: съ человѣкомъ, звѣремъ, полевой былинкой, птицей и малой букашкой... Всѣ живутъ и всѣ въ свое время уходятъ...

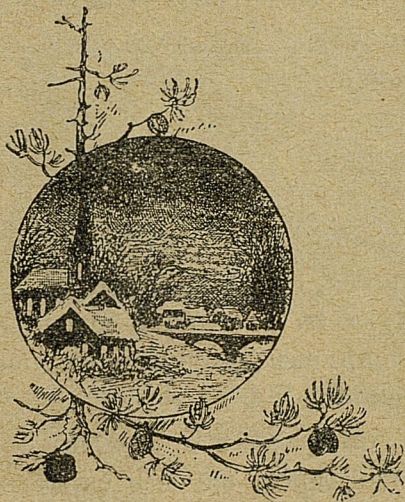
Такъ было, такъ бываетъ,—неужели такъ будетъ всегда?....

Жалѣй, люби все живущее, если хочешь жить дольше,—жить и тогда, когда уйдешь... Не вреди твоему ближнему: вредя ближнему, ты умираешь для любви, для радости жизни. Не затемняй свѣтлыхъ минутъ твоей жизни и ничьей жизни,—

она коротка, и конецъ ея придетъ къ каждому въ свой часъ...

Такъ было, такъ бываетъ,—неужели такъ будетъ всегда?..

Это старая, очень старая истина, и каждый день и каждый часъ она повторяется въ жизни всей природы, и забыть ея никому нельзя.

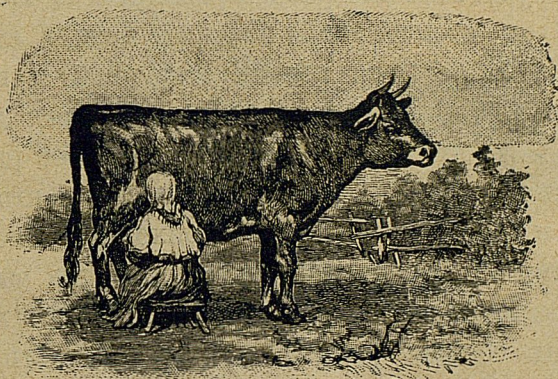

Р а к и.

Большое круглое озеро; вода въ немъ не двигается, озеро словно спитъ, — такъ тихо оно; кругомъ всего озера идетъ сплошной лѣсъ, на ближней полянѣ его — изба лѣсника. На опушкѣ, вблизи озера, щиплютъ траву, не отрывая головъ, бѣлая лошадь и рыжая корова, — хозяйство лѣсника; у избы, на завалинѣ сладко спитъ старый песь Удавъ; около завалины роются двѣ курицы, пестрая и черная, и съ ними — громадный пѣтухъ съ золотистой косою, съ яркимъ гребнемъ на головѣ; онъ поминутно бормочетъ своимъ курамъ: «Кло-кло-кло! А яйцо-то у тебя, рябушка, хозяйка опять отобрала изъ лукошка!» — «Кудахъ-тахъ-тахъ! Пускай беретъ на свое сиротство; завтра снесу въ другомъ мѣстѣ, не найдетъ! А ужъ цыплятокъ высижу, высижу! Кудяхъ-тахъ-тахъ!»

«Муу! — мычитъ корова на перелѣскѣ. — Что это, Сивка, у тебя переднія ноги спутаны? Пошли бы подальше, — что топчемся на одномъ мѣстѣ? тамъ, въ лѣсу-то трава зеленѣе, сочнѣе!» — «Ии-го-го! Не

уйдешь далеко, Комолка! Вонъ онъ, Гришутка, сидитъ на озерѣ, увидитъ—догонитъ, прыткій паренекъ, такъ нахлещетъ, что бокамъ будетъ больно!»—«Муу! Ты—конь, не корова, можешь нестись вихремъ!»—«Было время, Комолка, носились и мы; да уходили Сивку телѣга, сани да горбатая соха! Не даютъ онъ коню ходу! Попрыгаемъ-ка къ Гришуткѣ, посмотримъ, что онъ тамъ дѣлаетъ?»

И Сивка запрыгала, щипля урывками траву, къ берегу, къ кусту, подь которымъ сидѣлъ Гришутка. Комолка лѣниво потянулась за Сивкомъ.

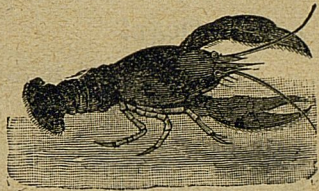
Солнце тихо опускалось за лѣсъ, оно словно катилось съ крутой горы на голубомъ небѣ, оно золотило весь берегъ озера; Гришутка поминутно держалъ удочку и то и знай вскрикивалъ:

— Ахъ, сорвался! Сцапаль шарикъ и сорвался! На вотъ еще,—поплеывая, насаживалъ онъ хлѣб-

ный шарикъ на крючокъ,—а я ужъ тебя, милаго, поймаю!—бросилъ онъ удочку въ воду.—Съ двухъ ли, съ трехъ ли шариковъ, а поймаю!

На желтоватой песчаной отмели, чуть-чуть покрытой водой въ это время, сидѣлъ молодой ракъ; темно-зеленоватый, тинистый цвѣтъ скорлупы его, которую носилъ онъ, какъ носятъ все раки, скрывалъ его отъ всякихъ зоркихъ глазъ въ зеленоватой водѣ пруда. Молодой ракъ тарачилъ свои маленькіе, выпуклые, стоячіе рачьи глазки и водилъ длинными усами, разглядывая издали мальчика, и по-рачьи хотѣлъ рѣшить, что онъ тамъ на берегу дѣлаетъ. Онъ зналъ, что тамъ въ берегу идутъ все рачьи тинистыя норки, тамъ есть норка и его, и что въ ней тѣсно и душно, и что оттуда приходится много разъ выплывать,—трудно раку плыть, трудно выползать на берегъ, а все-таки приходится! А нынче вотъ его обидѣлъ сосѣдъ—ракъ-забѣяка: онъ отнял у него вкусный шарикъ и такъ прыгнулъ съ нимъ высоко надъ водой, что онъ, тихій ракъ, и не замѣтилъ, куда скрылся его обидчикъ, а онъ поплылъ на знакомый песчаный мысокъ и теперь вотъ издали видитъ ясно, что вкусные шарики бросаетъ имъ, малымъ ракамъ, большой-бо-о-льшо-ой ракъ, такой большой, что если подползти къ нему близко, то маленькими рачьими глазками его всего сразу и не разглядишь; у этого большого рака двѣ руки и двѣ ноги и голова большая, какъ гора; вонъ опять онъ бросилъ шарикъ.

«Ай-яй!» хотѣлъ крикнуть молодой ракъ, но у него не было голоса. Вонь онъ тащить малаго рака, тоже его знакомаго. «Зачѣмъ онъ ихъ таскаетъ и куда-то прячетъ позади себя, гдѣ они исчезаютъ такъ, что ихъ и не видно? Посижу, погляжу, можетъ-быть, и пойму! Живу я еще недолго и вижу это въ первый разъ». Молодой ракъ сидѣлъ терпѣливо и видѣлъ все одно и то же: опускается вкусный шарикъ въ воду, минута-двѣ,—ракъ вспрыгиваетъ въ воздухъ, мотается на веревочкѣ, а съ веревочки быстро хватаетъ его большой двурукій, такъ молодой ракъ назваль Гришу (онъ былъ такъ молодъ, что не зналъ, кромѣ раковъ и рыбъ, никого и всѣхъ считаль раками). Схватить большой ракъ малаго рака рукой, и исчезнетъ тотъ позади него.

Солнце уже скрылось. Молодой ракъ все сидѣлъ на песчаной отмели и видѣлъ то же и то же... Гриша таскаль раковъ на берегъ. Молодой ракъ не выдержаль, у него не хватило терпѣнья, и онъ поплыль къ берегу; поплыль прямо къ шарику, который въ эту минуту только что упаль въ воду; двѣ плотички серебристо юркнули въ сторону отъ этого соблазнительнаго шарика; потянуль было къ нему сбоку большой ракъ, но молодой ракъ широкимъ хвостомъ оттолкнуль его въ сторону, вцѣпился крѣпко клешней въ веревку, отчаянно дернулъ ее и такъ взлетѣль на

воздухъ, что не успѣлъ испугаться, какъ былъ уже въ рукѣ Гришутки.

— Ну, и ракъ тоже! Коропузь! Не выросъ до настоящаго рака, а туда же, лѣзеть за наживой!— сердито пробурчалъ Гришутка и бросилъ его не въ мѣшокъ, гдѣ шепталось уже много раковъ, а просто къ мѣшку, но молодого рака потянуло самого къ товарищамъ.

— Будеть на вечеръ,—прошепталъ Гришутка,— пошелъ ужъ мелкій ракъ, крупный ракъ, видно, въ норы ушелъ!

Слышалъ это молодой ракъ или нѣтъ, и слышать ли что-нибудь раки, объ этомъ они никому не говорятъ, но онъ попалъ въ глубь мѣшка и все-таки видѣлъ, что большой двурукій ракъ поднялся во весь ростъ, и показалось ему, что онъ былъ больше со-сѣдняго куста и такой сильный, что могъ раздавить его одной ногой.

Гришутка вынулъ изъ кустовъ котелокъ, колышки, желѣзный пруть. Вбилъ колышки около дерева, сполоснулъ котелокъ, захватилъ въ него воды изъ пруда, повѣсилъ его на желѣзный пруть на колышкахъ и побѣждалъ къ перелѣску. Раки въ мѣшкѣ отчаянно толкали другъ друга и шептали, шептали,— они не знали, что съ ними будетъ,—зачѣмъ вытащили ихъ изъ родного пруда, зачѣмъ посадили въ мѣшокъ. Ничего не могъ узнать и молодой ракъ отъ товарищей, которые вскорѣ опять вытолкали его изъ мѣшка, считая этотъ мѣшокъ большой норой, только сухой

и не тинистой, гдѣ тоже имъ было тѣсно, какъ и въ норѣ. Раки—такія ужь творенья: имъ вездѣ тѣсно, и привыкли они ползать все врозь, не держаться другъ дружки.

Молодой ракъ, выгнанный товарищами изъ мѣшка и огорченный, не спѣша,—раки никогда не спѣшаютъ, поползъ къ кусту и снова рѣшилъ смотрѣть издали, что будетъ..

Гришутка набралъ сухого хвороста въ перелѣскѣ, малость положилъ его подъ котелокъ и разжегъ. Замигалъ свѣтлый огонекъ; сидитъ молодой ракъ подъ кустомъ, любуется на огонекъ. Гришутка беретъ рака за ракомъ изъ мѣшка, бросаетъ въ котелокъ, одинъ, другой; они извиваются, хотятъ сцапать его за палець клешней, отбиться отъ него, а онъ приговариваетъ:

— Ну, ну, не кобеняся! Полѣзай въ котелокъ, не одинъ тамъ будешь,—всѣ тамъ будутъ!

Бросаетъ рака въ котелокъ, бросаетъ и хворостъ подъ котелокъ... Огонь играетъ свѣтлой змѣйкой, весело играетъ, ему пріятно поѣдать хворостинку за хворостинкой, ему нельзя знать, какъ тяжело ракамъ вариться въ горячей водѣ, которую кипятитъ онъ, свѣтлый огонекъ.

Молодой ракъ уже поднялся на камень, таращить маленькіе глазки на огонекъ и все понять не можетъ, куда опять исчезли его товарищи. Сначала онъ видѣлъ, что одни изъ нихъ высовывали клешни изъ котелка, пѣтомъ опять ихъ прятали, потомъ онъ ви-

дѣлъ, что вода въ котелкѣ запынилась, забурлила, забрызгала сердито изъ котелка, полилась ворчливымъ ключомъ на огонекъ.

Гришутка снялъ котелокъ съ огня, вода утихла; онъ посыпалъ котелокъ бѣлымъ-бѣлымъ порошкомъ, много посыпалъ и опять повѣсилъ его на огонь, подкинувъ хворосту, и крикнулъ, громко крикнулъ:

— Тятя-я, мамынька-а, идите раковъ ѣсть, сварили-ись!—и гдѣ то далеко-далеко въ перелѣскѣ откликнулось эхо: «рились!»

— Мамынька-а, захвати хлѣбушка-а!—и снова отзвучало въ перелѣскѣ: «хлѣбушка-а!»

Совсѣмъ завечерѣло, котелокъ ужъ былъ снятъ, костеръ пылалъ высоко; около него сидѣли большой бородатый мужикъ въ синей рубахѣ,—это былъ лѣсникъ Демьянь,—рядомъ—женщина, тетка Афімья, съ печальнымъ лицомъ,—жена лѣсника, и чумазий Гришутка. Они молча ѣли раковъ; раки были красные, какими никогда ихъ не видѣлъ молодой ракъ, и тутъ только онъ понялъ, что если бы его не вытолкали изъ мѣшка товарищи,—и его сварили бы и съѣли; что вкусные шарики бросалъ имъ Гришутка въ воду не за тѣмъ, чтобы угостить ихъ на славу, а чтобы словить ихъ, потомъ сварить и съѣсть въ свое удовольствіе! Видно, этотъ двуногій ракъ все дѣлаетъ въ свое удовольствіе!.. И цѣнить только то, что служить для его удовольствія.

Такъ думалъ ракъ по-рачьи... И онъ тихо поползъ къ берегу и шумно свалился съ его высоты

въ воду, такъ шумно бултыхнулся, что тетка Афимья вздрогнула и вслухъ прошентала:

— Господи, какъ рыба-то плещется. Слышь, Демьянъ?

— Ну, и пусть ее растеть! играетъ, пока не попала къ Гришуткѣ на куканъ! А раки-то, Афимья, скусные! Молодецъ, Гришутка, угостилъ родителей ужиномъ чудеснымъ и извелъ на ловлю-то, поди, не болѣ ломтя хлѣба! Молодецъ! Доила Комолку-то?

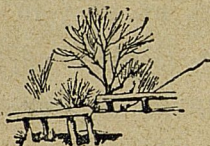
— Нѣтъ, сейчасъ выдою!

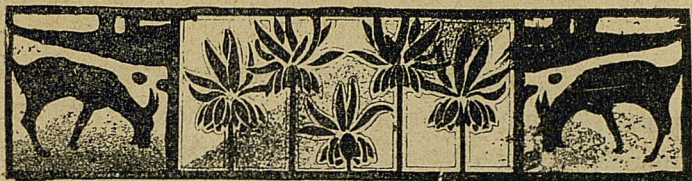
— То-то она, вижу, непокойна... Корова, корова, а свое дѣло помнить... нагуляла молока-то за день... мычить «бери», говорить, хозяйка, про запасъ и мое добро... Иди, подой, а мы съ Гришуткой Сивку уберемъ, да до полночи-то мнѣ соснуть надо, а тамъ въ объѣздъ, за полночь въ лѣсу-то и потравли бываютъ, гляди за всѣмъ, Демьянъ, зорко....

Вскорѣ всѣ спали: спалъ Демьянъ, спала Афимья, спали Гришутка, пѣтухъ и куры. Не спалъ одинъ только молодой ракъ; онъ не разъ забивался въ норку, не разъ выползалъ изъ этой спасительной рачьей норки, проплывалъ на песчаную отмель и, какъ помѣшанный, смотрѣлъ оттуда въ одну точку, на то мѣсто, гдѣ еще въ кострѣ дотлѣвалъ огонекъ, и когда пробѣгалъ легкій вѣтерокъ, оттуда свѣтились искорки. Тамъ, вблизи костра, онъ въ эту лунную ночь видѣлъ, ясно видѣлъ цѣлыя горки красной рачьей скорлупы, и его маленькимъ глазкамъ мере-

щились горы вареныхъ красныхъ раковъ, которые лежали, не шевелясь, потому что были мертвы.

«Эхъ,—думалъ онъ,—нерадостна рачья жизнь! Еле-еле ползешь по землѣ, то и знай, прячешься въ тѣсную норку, да и оттуда тебя, того и гляди, выманять вкуснымъ шарикомъ, сварятъ и съѣдятъ, не помянуть добрымъ словомъ, а жизнь хороша, ахъ, какъ хороша!»

Коза-дереза.

(Сказочка).

— Идетъ она, идетъ....

— Кто, няня, идетъ?!

— Коза-дереза... Слушай, Оленушка, слушай!.. Закрой глазки, ягодка моя, и слушай!.. И идетъ она... горами идетъ, долами идетъ, лѣсами идетъ, малыхъ дѣтокъ ищетъ... Помутились у козы глаза, притомились у дерезы ноги, а она все идетъ, все идетъ... Лѣсь... лѣсь... лѣсь...

— Большой, няня, лѣсь?..

— У-у какой, Оленушка, конца ему нѣтъ!.. Слушай!.. Кругомъ лѣсь густой-прегустой, стоитъ, молчить, не шелохнется... тихо-тихо, какъ въ раю... глядь-поглядь,—пташка съ гнѣзда выпорхнула... Подняла коза-дереза голову, видитъ—на высококомъ дубу изъ чернаго гнѣзда желтые рты малые птенчики высунули, жалобно пискнули... чирикнула громко имъ пташка въ отвѣтъ: «Молчите, мошь... одной минутой слетаю... принесу вамъ вкусную мошь-

ку-букашку, жирнаго червя-сороконожку.... Накормлю, напою потомъ изъ ближней лужицы!.. Навернулись на глаза слезы у козы-дерезы: гдѣ-то дѣтки ея? Кто-то накормить-напоить ихъ... Было время, было времечко и,—давно ли оно миновалось, краснымъ солнышкомъ закатилось,—были съ ней ея малыя дѣтки—козляточки, гуляли, весело прыгали, утѣшали-радовали мать. Да вотъ, поди ты, вздумалось ей потѣшить своего малаго любимца-козленочка, проказника Васеньку, побаловать свѣжими орѣхами... Жалобно ужъ очень просиль-молилъ онъ: «Орѣшковъ да орѣшковъ!» Положить ей голову на шею, въ глаза смотреть такъ пристально и стономъ-стонеть: «Орѣшковъ да орѣшковъ!...»

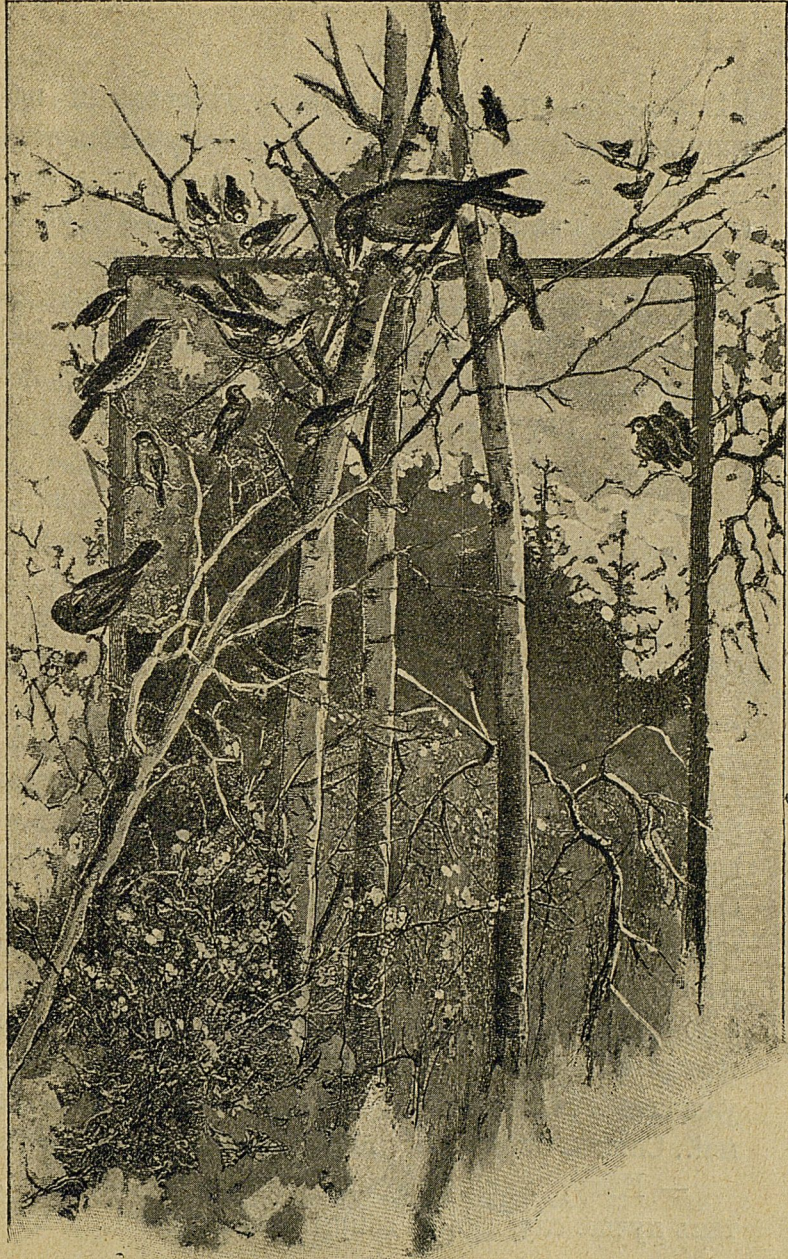
— Зачѣмъ ему орѣшковъ, няня?..

— Зачѣмъ?.. Слышаль онъ, видно, что вкусны орѣхи-то... Баловникъ былъ, сластена... А ты слушай, Оленушка! И пошла коза-дереза въ глубокой лѣсъ... въ глубокой лѣсъ, темный, за орѣхами... легко пошла, не обдумавши, что будетъ потомъ....

Пришла коза съ орѣхами, со спѣлыми... Глядь-поглядь, а дѣтокъ-то и нѣту....

— Куда же они дѣлись-то, няня?..

— Слушай... Нѣту дѣтокъ-то... Екнуло сердце у козы-дерезы... растерялась она... бросилась вправо, бросилась влѣво... идетъ, все идетъ, ищетъ малыхъ дѣтушекъ, неразумныхъ козлятушекъ... А они глупыши, увидѣли волка и бросились въ сторону, бѣгутъ, бѣгутъ безъ оглядки, земли подъ собой не чуютъ,

Бѣжали-бѣжали межъ кустовъ, деревьевъ и наткнулись на большую-пребольшую пещеру темную...

Самый малый, баловникъ-то Васенька, туда бросился, и всѣ за нимъ. Выскочилъ на нихъ изъ большой пещеры заяка сѣрый, трусливо всплакнулъ: «Господи Боже, и тутъ спасенья нѣтъ!.. Ишь сколько набѣжало звѣрья... Живымъ съѣдятъ, растерзаютъ!» И загородилъ ему дорогу козленокъ, какой былъ побольше да поумнѣе,—онъ понялъ, что есть звѣрь, который и ихъ боится...

Плачетъ заяка: «Пусти, звѣрь, не ѣшь меня,—и я жить хочу!» И проблеялъ ему смышленный козленокъ козлиною рѣчью: «Не бойся насъ, заяка малый, не тронемъ тебя, мы отъ волка спасаемся... сиди себѣ, тутъ надежнѣй!» А коза - дереза идетъ да идетъ...

— Найдеть она ихъ, няня, дѣтокъ-то?..

— Найдеть!.. Слушай, знай, Оленушка, слушай!.. Ну, вотъ, мало время сгодя, вышла коза-дереза на полянку-луговинку,—хорошо таково на полянѣ,—цвѣты цвѣтутъ лазоревые.. Свѣжо, душисто, не ушелъ бы, а у дерезы одно на сердцѣ: гдѣ-то дѣтки, гдѣ-то милья? Цѣлы ли, живы ли? Звѣря разнаго въ лѣсу много,—долго ли до грѣха,—и волкъ и медвѣдь, а то и хитрая лиса не приласкаютъ. «Ж-ж-ж!» жужжитъ пчела надъ ухомъ у дерезы, вьется,—вотъ-вотъ ужалить... И что ей надо? Пчель тутъ видимо-невидимо!.. Спишь, Оленушка?... Ну, спи,—Богъ съ тобой!..

— Нѣту, няня, нѣтъ... сказывай... слушаю... такъ лучше слушать съ закрытыми глазами.... Вотъ

я ихъ вижу—и пчель и цвѣты... Какъ хорошо цвѣты-то пахнуть!...

— Охъ, моя разумница... прокуратка!.. Пчелы съ цвѣтка на цвѣтокъ порхаютъ, соки медвяные собираютъ, своего дѣла у нихъ много, не до козы-дерезы имъ, а эта, на вотъ, все вѣется надъ ухомъ да вѣется!.. Коза отъ нея ударила въ сторону, а пчела опять надъ ея ухомъ: «Ж-ж-ж!..» И вдругъ козѣ-дерезѣ стало ясно, какъ въ свѣтлый день ясно, что жужжить ей пчела, Божія муха, разумная. Поняла коза жужжанье пчелиное: «ж-ж-ж»—живы дѣтки твои, мать-заботница, живы, цѣлехоньки... «Ж-ж-ж!» съ зайкой сидятъ съ малымъ, глупыши... тебя ждуть-поджидаютъ, здоровехоньки... ж-ж-ж!.. въ укромномъ мѣстечкѣ сидятъ, куда и вѣтеръ вольный не заглядывалъ... И легко-легко стало на сердцѣ у козы-дерезы, и ходко пошла коза дальше, а пчела-разумница впередъ да впередъ... Привела пчела козу къ пещерѣ темной, и дѣтки-козлятки встрѣтили мать радостно, и всѣмъ-то было радостно, весело: и козѣ, и козляткамъ, и зайкѣ, и пчелкѣ, потому жизнь всѣмъ дорога, самой малой букашкѣ дорога она... Спишь?... Спать!.. Ну, еси, Христось съ тобой... Матерь Божія, сохрани младенца Оленушку... Спи, спи, Оленушка, маменька на томъ свѣтѣ за тебя молится... Вотъ я тебя переkreщу и такъ-то одѣяльцемъ прикрою хорошенько... Спи!..

Какъ синичка-сестричка праздникъ провела,

(Басенка-картинка).

Чирикъ-чикъ-чикъ!... синичка-сестричка, здравствуй!....

— Чье-е-чи!... Здравствуй, воробушекъ-братецъ!.

— Синичка-сестричка, что нахохлилась?!

— Холодно, голодно, Воробушекъ-братецъ!.

— Э-э, старая пѣсня,—прощечечъ веселѣе.

Скажи, какъ праздники провела?

— Порхала, порхала,—зерень искала....

— Ну-у?

— Пло-хо....

— Знаю,—день на день не придется... Что видала?!

— Мало и много....

— Однако?...

— Веселаго мало, огорченій много... У Маши, у Даши, у прыгуньи Наташи отъ орѣховъ въ горлѣ першить... Коля, Оля на конфѣты и глядѣть не хотятъ,—микстуру глотаютъ,—совсѣмъ плохо...

— И только?..

— Только да не только... Сеня, Буня отъ елокъ въ постель слегли....

— Вѣрно, сестричка, нынче лѣвымъ крыломъ порхнула, лѣвой ногой прыгнула,—всѣмъ у тебя плохо можется, не здоровится.

— Всѣмъ да не всѣмъ, братецъ... Попала я на Крещенье на большую радость....

— На какую?...

— Не перебивай, слушай... Туда-сюда я по окнамъ совалась... Бросилась на одинъ дворъ, въ самый задній уголь... припала къ стеклу.... вижу—у печки двое ребятокъ съ ложками другъ противъ друга стоять... Хохочуть... Слышу: «Вотъ такъ кашница, Матреша»...—«Тихе, Леша, не кричи подь руку,—языкъ проглотишь!.. Ха-ха-ха!... Хи-хи-хи!» Стукнула я въ окошко... «Чье-е-чи, —кричу,—иззябла, иззябла, ребятки!...» Фортка открылась. Я порхъ на плечо къ Матрешѣ... Леша смѣется; щеки въ кашницѣ... Хлопаетъ Матреша въ ладоши.... Пѣсенку я имъ пропѣла, крупки поѣла, по угламъ полетала... Пѣла со мною Матреша; посвистывалъ Алеша... Часъ пролетѣлъ, будто минута... Жаль, братецъ, тебя не было,—славно бы время провель...

— Я, сестричка, праздникъ проскучалъ на конюшняхъ... Доживемъ до Пасхи,—будемъ летать вмѣстѣ!

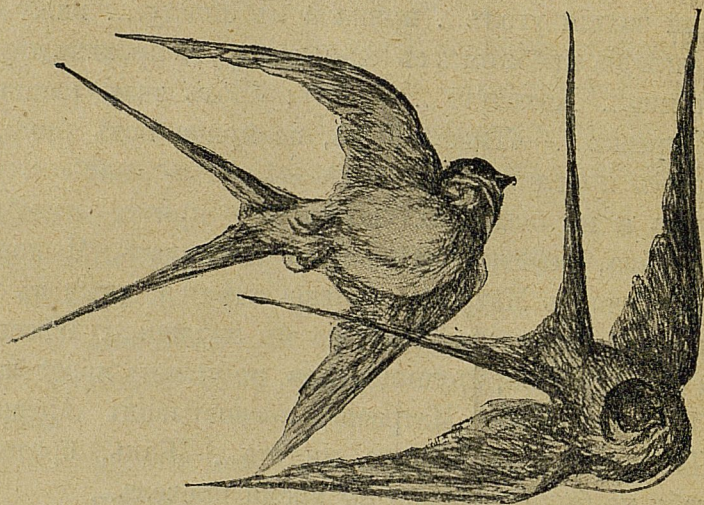
— Будемъ....

— Слышишь, сестрица, голуби заворковали...

Гляди, бросились къ конюшнѣ,—вымели, видно, съѣетное... Летимъ туда...

— Летимъ, я вчера не ѣла....

Синичка и воробей въ воздухѣ черкнули,—мигъ—и пропали въ темномъ углу конюшни,—не видно,—трудно изъ окна разглядѣть ихъ, трудно слышать, о чемъ они трещать.

Расти бы ей, радоваться,
да чужая глупость
помѣшала.

Лѣсная правда—людская сказка).

Пришла весна съ пѣвуньями-птицами, съ цвѣтами
лазоревыми.

Пришла она хорошая, свѣтлая, радостная, при-
шла и всѣмъ улыбнулась тепло, ласково.

Села, деревни ожили; распахнулись въ домахъ окна, двери настежь. Проснулось солнце рано и брызнуло золотомъ; въ селѣ Хрущевкѣ затрубили рожокъ; вышли овцы, козы, лошади, коровы къ старому Савельичу на площадь, и потянулось стадо за село, къ лѣсу.

Прошелъ часъ, другой и третій. Солнце поднялось высоко и залило теплыми лучами зеленый лугъ, зеленый лѣсъ, зеленая поля.

На лужайкѣ, вблизи лѣса, бродили коровы, овцы, лошади, козы.

Старый Савельичъ съ подпаскомъ Прошей сидѣли подъ раскидистымъ дубомъ, въ прохладной тѣни. Савельичъ и Проша молча жевали ржаной хлѣбъ, молча запивали его ключевой водой изъ деревянной чашки.

Кругомъ была тишь, былъ покой, было довольство.

Коровы, лошади, овцы, козы пестрѣли бѣлыми, темными, сѣрыми, желтыми точками въ луговинѣ. Все стадо, не поднимая головы, не спѣша, щипало сочную траву.

У лѣсной опушки, выпятивъ грудь и позвякивая колокольчикомъ, гордо выступалъ, шагъ за шагомъ, бородатый козелъ,—онъ ходилъ впереди стада. Козелъ былъ сытъ, его не тянуло къ травѣ, и онъ разгуливалъ; колокольчикъ тихо звучалъ у него на груди,—козелъ любилъ эту музыку; казалось, и теперь ни лѣсъ, ни кусты, ни насмѣшливое щекотанье двухъ сорокъ не манили его къ себѣ,—нѣтъ, въ лѣсу

онъ зналъ всѣ тропинки, болтовня сорокъ ему была непонятна,—ему просто хотѣлось снова и снова послушать тихую пѣсню и знакомую, но всегда пріятную—пѣсню пріятнаго колокольчика; колокольчикъ точно говорить: «Вотъ такъ мы! Вотъ такъ мы!» И козель такъ былъ увлеченъ этимъ соблазнительнымъ говоромъ, что не могъ остановиться на одномъ мѣстѣ; ему козалось, подъ заманчивую пѣсню колокольчиковъ, что пора уже оставить это мѣсто, пора итти дальше,—глупо гнуть шею къ землѣ и цѣлое утро щипать траву,—пора пройтись и показать себя всѣмъ этимъ дубамъ, березамъ, кленамъ, птицамъ, птичкамъ: «Вотъ такъ мы! Вотъ такъ мы!»

Онъ шелъ и не замѣчалъ, что за нимъ тащился шагъ за шагомъ баранъ, а въ сторонѣ, закинувъ голову, хвостъ трубой, прыскалъ веселый жеребенокъ-стригунъ. Онъ былъ радъ, счастливъ: радъ ласковому солнцу, лѣсу, лугу, обществу коровъ, старыхъ лошадей, старому Савельичу и подростку Прошѣ. Жеребенокъ ужъ подбѣгалъ къ раскидистому дубу полакомиться кусочкомъ ржаного хлѣба съ солью, который далъ ему Проша, лизнулъ уже Прошу въ щеку, въ ухо и, счастливый, ударился отъ раскидистаго дуба, подлетѣлъ къ козлу и, заигрывая съ нимъ, протянулъ надъ его ухомъ: «И-и-и!» точно сказалъ: «Будь весель, сѣдой!..»

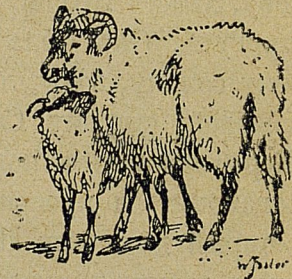
Козель обидѣлся, замоталъ рогатой головой и цапъ барана рожищами въ бокъ! Баранъ упалъ на переднія ноги. Жеребенокъ остановился между ними,

протянуль снова «и-и-и!» точно сказалъ: «Какъ это глупе, съдой!» Козель еще пуще разсердился, въ сердцѣ у него закипѣло недоброе, онъ опустилъ голову и приготовился къ нападенію.

Баранъ поднялся, затрясъ головой, дико проблеялъ: «Бэ-бэ-э! Местъ, местъ!» круто по-

вернулъ и — откуда у него взялась такая прыть! — быстро обошелъ жеребенка: щелкъ-щелкъ! — сошлись, ударились рогами и закружились козель и баранъ вокругъ молодой и кудрявой березы... Щелкъ, щелкъ, щелкъ! Дзынь-дзынь! звучить въ тепломъ воздухѣ... Ни тотъ ни другой не хочетъ уступить. Смотрять дико, глаза налились кровью. Бодають другъ друга, стучать о бѣлую кору березы. Береза трепещетъ, дрожить. Вотъ затрещала ея вѣтка и свалилась внизъ, за ней скатилась слеза, одна, другая, — это плакала береза о своей потерянной вѣткѣ.

— Проша, поди-ка разгони этихъ глупышей!.. Вишь, имъ малъ лугъ-то... въ одномъ стадѣ ходять, а все ладу нѣтъ! Кнутомъ Ваську-козла, кнутомъ! А еще колоколець ему навѣсили!...

Проша мигомъ вскочилъ на ноги, звонко щелкнулъ длинный кнутъ, и враги разошлись въ стороны.

Въ борьбѣ вѣтку отбросили козель и баранъ далеко отъ родной березы. И видѣла береза, какъ ея вѣтка вяла и сохла.

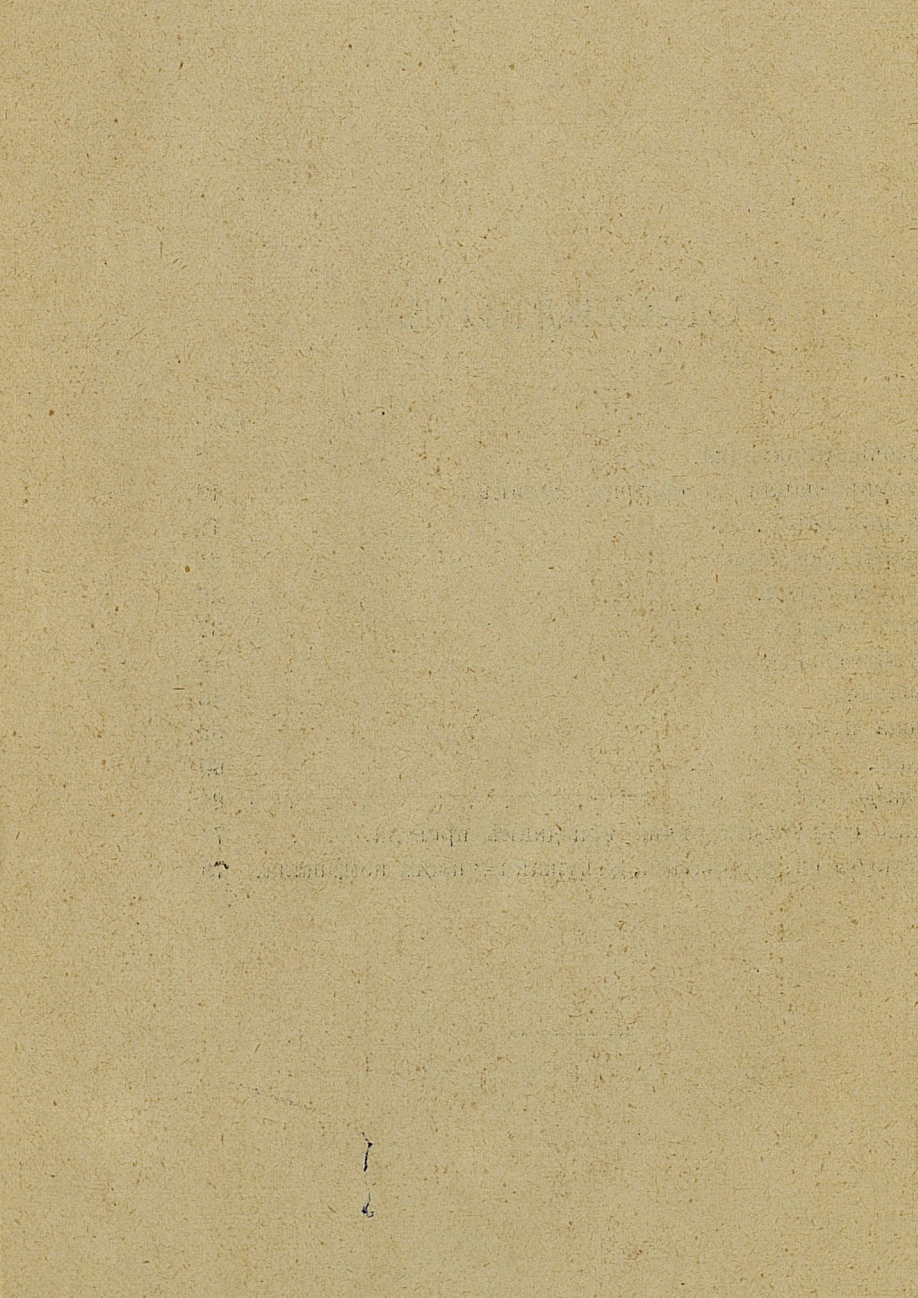
Прошелъ день-другой, и вѣтка стала сухимъ прутомъ. Налетѣлъ вѣтеръ и угналъ ее далеко отъ перелѣска, угналъ къ проѣзжей дорогѣ; тамъ проѣхала черезъ нее не одна крестьянская телѣга... «Никому, никому не нужна она теперь.. всѣ ее затопчуть, замнутъ, изотрутъ въ порошокъ, а я тогда разнесу ее прахъ во всѣ стороны!» свисталъ надъ ней вѣтеръ.

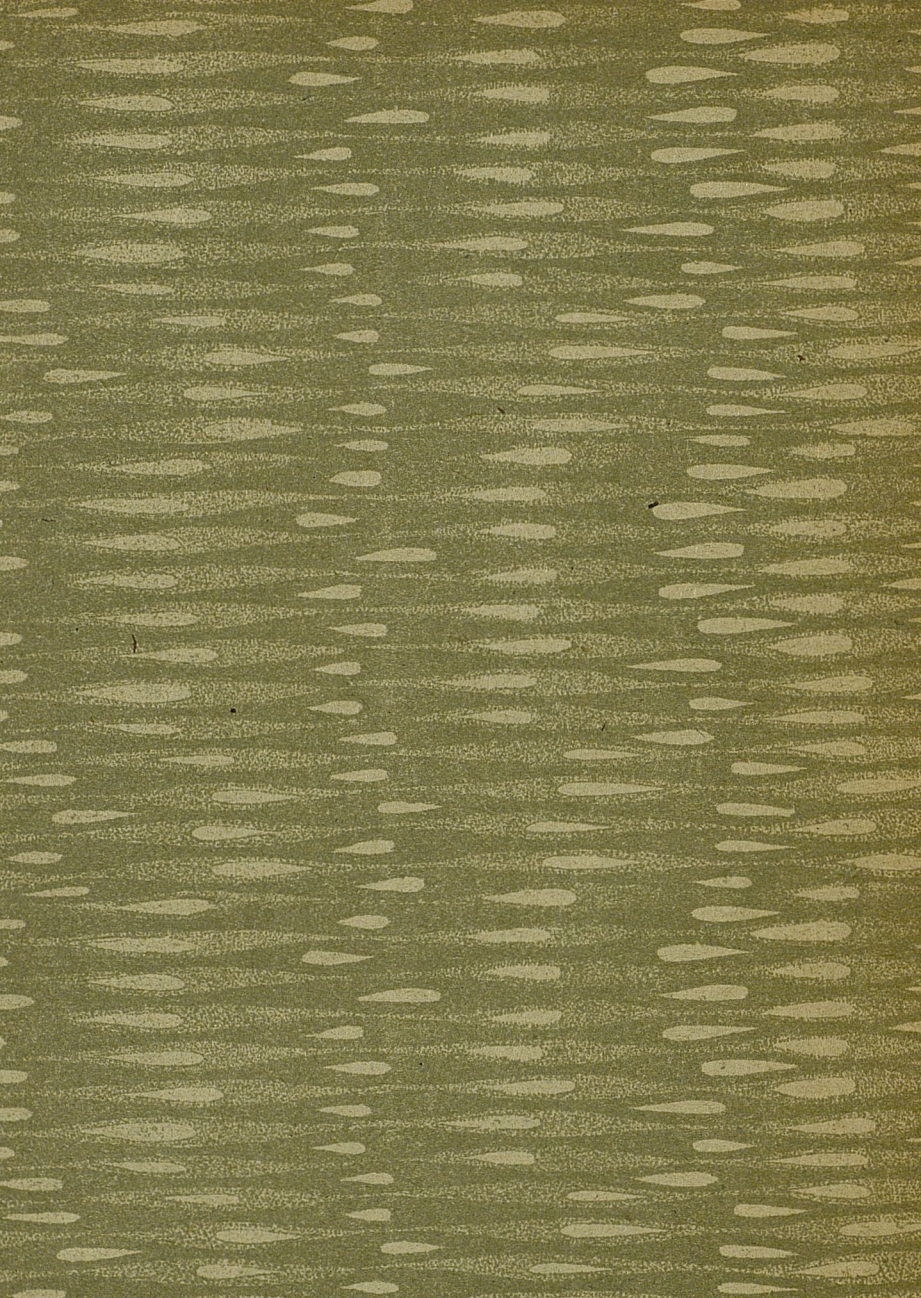
Быль опять теплый солнечный день. Стояла тишь. Снова Савельичъ и Проша сидѣли въ холодкѣхъ подъ развѣсистымъ дубомъ, снова бродило то же стадо, бородатый козель, какъ ни въ чемъ не бывало, важно выступалъ впереди, позвякивая колокольцемъ, а баранъ тащился за нимъ, и барану очень хотѣлось положить свою баранью голову на сѣдую спину козла и приласкаться къ нему,—баранъ забылъ уже старую обиду. Только засохшая вѣточка попрежнему валялась при дорогѣ, одна напоминая недавнюю ссору козла и барана—чужую глупость, которая помѣшала ей расти и радоваться.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Козочка-бѣляночка.	3
Сестрица-цапля да братецъ - куликъ.	13
Въ цвѣтникѣ	16
Чудная снѣжинка	21
Коть и мыши.	26
Нашъ садикъ.	37
Мушки-сластухи	42
Рыболовы	45
Сосна и береза	52
Раки	60
Коза-дереза	69
Какъ синичка-сестричка праздникъ провела.	74
Расти бы ей, радоваться, да чужая глупость помѣшала.	78

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.
КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.
Младшій возрастъ.

- БЫЛЕНКИ.** Разказы, сказки и стихи. Со мног. рис. Стр. 53. Ц. 60 к.
МАЛЕНКІЯ ДѢТИ. Разказы. Со мног. рис. Стр. 103. Ц. 60 к.
СТЕБЕЛЬКИ. Сборникъ разказовъ, сказокъ и басенъ въ прозѣ. Съ рис. Стр. 62. Ц. Въ папкѣ 40 к.

Средній и старшій возрастъ.

- ГЕРОИ.** Сборникъ разказовъ. Съ рис. **К. Н. Чичагова.** Съ роскошно исполненной обложкой въ краскахъ. Стр. 83. Ц. 50 к.
ДУШЕВНЫЕ ЛЮДИ. Изъ поволжскихъ разказовъ. Съ рис. Стр. 207. Ц. 60 к., въ папкѣ 85 к.
Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **допущено** въ ученич. библ. низш. учебныхъ заведеній.
НА ЗЕМЛѢ. Сборникъ разказовъ. Съ рис., въ раскрашенной обложкѣ. Стр. 202. Ц. 1 р.
Мин. Нар. Пр. **допущено** для ученич. библ. низш. уч. завед.
СРЕДИ ГОРЪ И РАВНИНЪ. Сборникъ разказовъ для дѣтей. Съ рис. въ текствѣ и въ изящ. красочн. обложкѣ. Стр. 167. Ц. 75 к.
СЪ ПОВОЛЖЬЯ. Родныя картинки. Стр. 190. Ц. 1 р.
Мин. Нар. Пр. **одобрено** для ученич. средн. и низш. уч. завед. и для безпл. народн. библиотекъ и читальн.
Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній **рекомендовано** въ библиотекѣ кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетамъ I и II классовъ.
СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ. Сборникъ разказовъ. Со мног. рис. Стр. 126. Цѣна 60 коп.
Мин. Нар. Пр. **допущено** въ ученич. библ. низш. училищъ.
ГЕНІИ-ИЗОБРѢТATEЛИ И ЛЮДИ ТРУДА. Съ портретами. Стр. 159. Цѣна 1 руб. 20 коп.
Мин. Нар. Пр. **допущено** въ ученич. библ. средняго и старшаго возрастовъ, библиотекѣ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и городскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библиотекѣ, и **рекомендовано** при попомощіи ихъ.
ИЗЪ ЖИЗНИ ВЕЛИКИХЪ И СЛАВНЫХЪ ЛЮДЕЙ. Сборникъ разказовъ. Съ рис. Стр. 325. Ц. 1 р. 15 к.
Мин. Нар. Пр. **допущено** въ ученич. библ. низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.
Гл. Упр. воен.-уч. зав. **допущено** въ ротн. библ. кад. корп.
МИРНЫЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ (ІОАННЪ ГУТЕНБЕРГЪ). Повѣсть. Съ рис. и въ изящной обложкѣ. Стр. 103. Ц. 75 к.
РУССКІЕ ПОЭТЫ. Съ портретами и рисунками. Стр. 254. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
Мин. Нар. Пр. **допущено** въ ученич. библ. низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библиотекѣ.
БѢДНОТА ДА ПРОСТОТА. Деревенскія картинки. Съ рис. Стр. 94. Цѣна 60 коп.
Мин. Нар. Пр. **допущено** въ ученич. библ. низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библиотекѣ и читальни.

Цѣна 60 коп.

2007465964